

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ  
Золотой ключ,  
или Похождения  
Буратины

*La Comédie inhumaine*

Книга 2

Золото твоих глаз,  
небо её кудрей

Часть

1



КНИЖНАЯ  
ПОЛКА  
ВАДИМА  
ЛЕВЕНТАЛЯ

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+



КНИЖНАЯ  
ПОЛКА  
ВАДИМА  
ЛЕВЕНТАЛЯ

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ

Золотой ключ,  
*или*  
Похождения Буратины

*La Comédie inhumaine*



ГОРОДЕЦ

ФЛЮИД

Москва • 2020

УДК 821.161.1-31  
ББК 84 (2Рос=Рус)6  
КТК 610  
X 20

**Харитонов М.**

X 20 Золотой ключ, или Похождения Буратины. Книга 2. Золото твоих глаз, небо ее кудрей. Часть 1 : [роман]. — М. : ИД «Городец-Флюид», 2020. — 688 с. — (Книжная полка Вадима Левенталя).

Во второй книге «нечеловеческой комедии» Михаила Харитонova продолжаютcя приключения полюбившихся читателю героев, однако обстоятельства осложняются охватывающими героев страстями. Карабас бар Раббас сходитcя с прекрасной поняшей, электрический кот четвертой модификации Базилио Супермарио Кроссоверо переживает сложное и в чем-то безысходное чувство к Алисе, крокозитроп Розан Васильевич ищет способ продлить свой род... Также вторая книга знакомит читателя с цивилизацией и философией рыбонов, объясняет, наконец, как работает *тентура* и какую зловещую роль в событиях саги играет полковник Барсуков.

**ISBN 978-5-907220-01-0**

© М. Харитонов, 2020  
© ИД «Городец-Флюид», 2020  
© П. Лосев, оформление, 2020

...Alas, poore Booke, I rue  
Thy rash selfe-love; goe, spread thy pap'ry wings:  
Thy lightnes can not helpe, or hurt my fame.

*Thomas Campion. The Writer to his Booke*

## ТОРЖЕСТВЕННОЕ НАПУТСТВИЕ

Ты в пути, моя книга, в тяжёлом и трудном пути.

Глухими окольными тропами бредёшь-пробираешься ты к читателю своему, моя книга. Мысью серой пластаешься ты промеж интеллигентских котурнов и охранительских берцев. Иные тебя бранят; некоторые — недостаточно восторгаются; а иной лишь таращит глаза, как баран на велосовы руны.

Вот пример. Тайный мой друг, поэт Караулов, сосватал тебя, моя книга, в лонг-лист престижной литературной премии. Много ль ты обрела с того почёта, признания? Вовсе нет! Члены жюри тебя, моя книга, оной премии всячески лишили. А меня, автора твоего, распяли, пригвоздили и похоронили за плинтусом, отвалив на прощанье щедрых духовных бздянок. К примеру: скверно отозвалась о тебе литераторша Погодина-Кузмина. Едкой лисьей щёлочью обрызгала нежные странички твои, моя прелесть, литераторша Погодина-Кузмина! Стидно! — а ещё женщина! Хотя мужчины тоже хороши. В том же жюри засевший литератор Пермяков посмотрел на тебя, моя прелесть, узколобо. Он не услышал твоей музыки, он не увидал твоих слёз, цветов и радуг. Он даже не содрогнулся, хотя было ведь от чего. Он чувств никаких не изведал. Эхе-хе! — чтобы не сказать хуже.

И это ещё не всё. Опять же к примеру: известнейший фантаст, гуру жанра, некогда заметивший меня и ободривший, не так давно признал меня *очень талантливым* (ну в этом он был прав, согласимся) — но тут же и похулил тебя, моя книга, обозвав — *наполненной мерзостью*. Нет, ну каково? — а ведь он писатель, инженер человеческих душ! То-то души у нынешних людишек такие кривые, косые и морально устаревшие, как автомобиль «Москвич-408»!

В интернете тоже многие неправы относительно нас с тобой. Вот-пряма некий влиятельный анонимус назвал тебя, моя трепетная, *адским трэшем*. Ну, допустим, элементы трэша тут есть; но что в нём такого адского-то, я прям даже не знаю? Другой, менее анонимный, но лично мне незнакомый товарищ сказал, что в тебе, моя славная, *много грязи*

*и жестокого насилия.* Вдомёк ли ему, что насилие обыкновенно бывает жестоким и не вполне чисто плотным? Третий — так и вовсе называл тебя, моя книга, *сказкой злой и беспросветной.* И не дочитал тебя, негодник, в чём не постыдился признаться. А ещё какой-то поц из Ливжора с жабою на аватарке прилюдно обозвал меня — меня! — *бездарностью, пытающейся злобой и истерикой заменить отсутствующие талант и чувство языка.* Вот именно так и сказанул, каналья, именно такими словами. И как у него язык-то этот самый повернулся! — а ещё с жабою. Да он и жабы-то недостоин: она слишком чиста и совершенна для него, паршивца. Смело уподоблю этого бездельника гадскому удоу. Хотя античный поэт сравнил бы его скорее с ибисом. И поделом!

Но эти хоть как-то откликнулись. Что ж касается ценителей почище — например, Бориса Акунина, Патрика Модино, Светланы Алексеевич, Владимира Жириновского, Си Цзиньпина, Марка Цукерберга, Джорджа Мартина, Марио Варгаса Льюиса, Ксении Собчак, Билла Гейтса, Аллы Пугачёвой, Джоан Роулинг, Ангелы Меркель, Уоррена Баффета, Илона Маска, а также певца и дельца Иосифа Кобзона и королевы Британии Елизаветы Второй, — то все они, будто сговорившись, сделали вид, что книгу вообще не читали и в глаза её не видели. А я-то ждал восторженных отзывов, дешёвой славы, дорогих подарков, а также персональных приглашений на званые вечера в кругу элиты. Я даже брюки бежевые на распродаже купил, чтоб в них блистать. Ну и где моя дешёвая слава и дорогие подарки? Где-где, вы говорите? Правильно, нигде. Хотя что ж в этом такого правильного, сами посудите? А ещё селебритиз. Вы не стоите выеденного гроша, тусклые ваши сиятельства! Пожалели вы для бедного, но одарённого писателя денежку-копеечку да вниманьица крошечку. И даже рюмочки похвалы не нóлили! Фу такими быть.

И что сцуко характерно, обнесли меня не только рюмочкой, но и чашей на пире отцов. Старик Державин не встал из гроба, чтобы меня благословить, хотя это было бы очень любезно с его стороны. Ганди меня тоже проигнорировал, а ещё махатма. Йог Рамачарака, на которого я возлагал особенные надежды, не прервал свою вечную медитацию в Гималаях, чтобы съездить в Москву и вручить мне хоть малейший золотой слиток. И даже Еврипид, — коего я, между прочим, цитировал! — не уделил мне никакого внимания. Он до того дошёл, что ни разу мне не приснился. Что с его стороны я считаю заподлянством.

В общем, видя такое к себе отношение, приуныл я, закручинился, испереживался и весь поник. И решил я тогда, что свет недостоин тебя — книга ты моя, книга!

А потому, подобно М. А. Булгакову (но больше ориентируясь на Н. В. Гоголя), поехал я в отдалённый московский район Южное Ебенёво, на Девятую Среднекислородную улицу. И там, в скверике напротив магазина «Химреактивы», сжёг Второй Том «Буратины» в сердце своём.

Сердце потом пришлось мыть с дегтярным мылом. А от Второго Тома осталось немного дыма и немного пепла.

Однако потом я остыл, охолонул. Задумался. Да, свет был жестоковат ко мне и творенью моему. Да, многие приличные с виду люди явили чёрствость, а к моей прекрасной книге повернулись отнюдь не лицом. Но не так ли издревле встречали подлинных инноваторов пера? Не нами сказано: человек человеку — фигов и люпус эст! И хорошо ещё если только эстонский люпус, а не злоёбчивая румынская гидра!

Да сами посудите. Шиллер — романтик, душечка — и тот говорил, что человеки суть порождения крокодиловы, слёзы их — вода, а сердца — твёрдый булат. Вольтер, гуманист и просветитель, добрейшей души человек! — но ведь и он писал, что люди пользуются умом лишь затем, чтобы оправдать свои несправедливости, а языком — для того только, чтобы скрывать свои мысли! А моя соседка с первого этажа, познавшая жизнь, уверенно утверждала, что всякий мужчина после тридцати — либо сраный гад, либо бестолочь; бабы же все — дуры и кривляки. Так вот оно каково, племя людское-то! И чему ж я, собственно, удивляюсь?

С другой стороны. Ты, моя книжечка, — тоже ведь не томная бледная дева в шелках под парасолью. О нет, нет! Ты бойкая смуглянка, девчонка-шарлатанка в разбойном шарабане на дутиках. Ты написана не *cum grano salis*, ибо какое уж тут *granum*: вся ты насквозь просолена, как вобла, да и проперчена до самых костей. Не единожды и не дважды озаряли твои страницы, как сполохи молний, грозные запретные слова «хуй» и «еврей». Остры твои уколы; шутки злы; неслучайны аллюзии и намёки; что до нравственных уроков, преподанных тобой юношеству (и тем паче девичеству), то об этом промолчим торопливо. Можно найти в тебе и поправанье заветов священных, да там и поругание счастья есть. В общем, ты не сахар, ты пиздец. Прочешь тебя и полюбить — это не лося по жопе хлопнуть. Тут надобен душевный труд, специфический вкус — а также (уж не побоюсь этих слов!) нерядовой ум. В общем, ты предьявляешь к читателю дохера требований, книга ты моя, книга!

Тем прекраснее, что и у тебя, *orega mia*, нашлись поклонники. И явили силу и глубину своих чувств наубедительнейшим образом. Многие, многие люди, знакомые и незнакомые, снабжали меня необходимыми денежными средствами, чтобы я только продолжал писать. Не забыты были и похвалы, эта драгоценная канифоль для смычка дарования. Тобой, моя книга, восторгались; в честь тебя мои друзья устраивали торжественные обеды — не единожды! — и дарили подарки, вкусные и полезные. Есть, значит, на свете рыцари духа, пришедшие, чтобы влить в меня новые силы. Низкий вам поклон. И вот сейчас я совершенно не ёрничаю: низкий вам поклон, дорогие мои.

Что касается невнимания света, то и с этим я, чесгря, погорячился. Ибо о тебе, моя книжечка, сказали доброе слово люди, коих я ставлю

гораздо выше, чем йога Рамачараку и бездельника с жабой. Философ Галковский и писатель Еськов благословили тебя, моя книга; у какого современного сочинения были такие восприимчивики? Что до влиятельных анонимусов, то они не только называли книгу адским трэшем, но рекомендовали в неё заглянуть, хотя бы ради лулзов. И наконец: все электронные пиратские библиотеки, сколько их ни есть, растащили моё творенье по своим закромам. Что это, как не *témoignage de respect*?

Так мне ли ходить надутым, обиженным? Нет! Это неприемлемо даже стилистически.

И тогда я решил: пусть загубленного Второго Тома не вернуть уже, пусть! Но я напишу ВТОРУЮ КНИГУ, и будет она прекрасней цветущей джоконды, загадочнее улыбки актинии, смутительнее шишки алжирского бея и цветастее цветов побежалости. Ну или уж, во всяком случае, что-то в ней такое явится, чего ради будут её читать, перечитывать, чтить. И удостоится своего законного места в вечности, среди нетленок.

Так дерзай же, о дивная книга моя! Ты явила себя элитариям, явись теперь и ширнармассам! Не страшись хулы: всё, что тебя не убивает, делает тебе рекламу. Ибо ты идёшь ко всенародному признанию — как водится, поверх голов очкастых кобр, маргышек мелких, завистливых болотных псов и хрипло лающих доберман-фричей. Каковым всем, по старинному писательскому обычаю, посулю я то, что творцы искусства всегда сулили несмысленной черни — *pedicabo vos et irrumabo, cinaedi!* Ибо, воистину, вы это заслужили. Причём ещё с позапрошлого тысячелетия.

Остальным же — читателям и сотоварищам моим, любителям охуительных историй — скажу: прошло время охуительных историй! Настало время историй охуенных!

Отрясём же прах от ног и ушей своих и проникнемся! Н-но, залётные! Вперёд!

Михаил Харитонов,  
*homme de lettres très renommé*

### **Addenda et corrigenda: о поэтах, революционерах, птицах и женщинах разного достоинства**

**The Writer to his Booke** — небольшое стихотворение Томаса Кэмпiona (1567–1620), обращённое к его книге «*Observations in the Art of English Poesie*», исследованию английского стихосложения. Английский язык той эпохи несколько отличался от нынешнего, так что не удивляйтесь.

**...как баран на как велесовы руны.** — То есть с априорным скепсисом и недоверием.

*Примечание.* Имеется в виду «Велесова книга», по легенде — вырезанная на деревянных дощечках, которые потом сгорели и т. п. Меня, кстати, тоже не вставило. Особенно же смутило и расколодило то, что на интернет-странице с текстом одного сочинения были размещены также постоянные ссылки на журнал «Организмика», газету «Пенсионер и общество» и «Энциклопедию свастических символов».

**Едкой лисьей щёлочью обрызгала нежные странички твои, о моя прелесть, литераторша Погодина-Кузмина!** — И это были ещё только цветочки! Через несколько лет другая дама из литературного полусвета, некая Галина, по прозванию Юзефович, когда меня номинировали на другую престижную премию, написала вот что:

*На соискание премии «Новые горизонты», в жюри которой я имею честь входить, был номинирован роман Михаила Харитоновна «Золотой ключ, или Похождения Буратины» — настолько ошеломляюще плохой, что я банально не могла понять, как такое вообще могло просочиться в наш приличный (хотя, может, и не самый огненный в этом году) лонг-лист. Единственное достоинство — читать его было быстро: о, опять про дерьмо пошло? Пропускаем десять страниц — все равно там так и будет про экскременты, весело, задорно, с детсадовским энтузиазмом. Эээ... секс с расширенным набором девиаций? Туда же. Так полромана (окей, вторую половину — первая потребовалась на пристрелку и калибровку) и прощелкала за сутки.*

Поскольку она Юзефович чрезвычайно влиятельна, никакой премии мне после этого не дали, даже в шорт-лист не включили. Ну и духовных бздянок выдали поболее, чем после Погодиной-Кузминой.

**...гуру жанра, некогда меня заметивший и ободривший...** — Не будем говорить, кто это был, хотя это был Сергей Лукьяненко.

**Москвич-408** — советский заднепроемный малолитражечный автомобиль II группы инвалидности с кузовом типа четырехведёрный седан. Выпущался с 1964 по 1975 годы. Кстати, на самом деле зря я его так: для 1964 года то вполне себе машина, где-то как-то даже на уровне тогдашнего автомобилестроения. Увы, для 1975 это уже позорище.

**Вотпрямца некий влиятельный анонимус назвал тебя, моя третпная...** — «Вотпрямца» имело место 25 апреля 2017 года. Странно даже и подумать, что такие древние времена вообще были!

**...поц из Ливжора...** — Ливжор, Ливжорнал — неофициальное имя сервера livejournal.com, старейшей социальной сети и пристанища для людей многопишущих, но малоизданных. И я там пописывал, и меня там почитывали. Эх, молодость!

**...античный поэт сравнил бы его скорее с ибисом.** — Тут должна быть ссылка на Овидия, на поэму-инвективу (дисс по-нашему) «Ибис», каковой птице приписывается не вполне приглядная привычка промывать себе кишечник после длительного перелёта, засовывая в него клюв с водой и ставя себе тем самым своеобразную клизму. Именно ибису уподобляет поэт своего врага, не названного по имени. Впрочем, поэма Овидия была

лишь подражанием поэме Каллимаха «Ибис», тоже диссу, посвящённому, видимо, Аполлонию Родосскому, с которым Каллимах по неизвестной причине поссорился. Подробнее об этом см.: *Завьялова В. П.* Еще раз к вопросу о споре между Каллимахом и Аполлонием Родосским // Индоевропейское языковедение и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб., 2006.

**...на Девятую Среднекислопомощную улицу.** — Для коренных москвичей: в 1923–1967 Среднекислопомощная называлась «улица Стрюцкого». В 1967 переименована в улицу имени 50-летия 25-го Октября, но её по-прежнему называли улицей Стрюцкого. В 1993 улице возвращено историческое имя.

*Примечание 1.* Яков Стрюцкий (Янкель Мордкович Цилькашипер, 1873–1919) — русский революционер. Член РСДРП с 1898 года. Работал в газете «Правда», журнале «Вперёд». Жил в Вене, Париже и Лондоне. В феврале 1917 года вернулся в Россию. Член петроградского Военно-революционного партийного центра по руководству вооружённым восстанием. Впоследствии — известный деятель одесской ЧК. Скончался в 1919 году от сифилиса. В связи с этим в газете «Одесский набат» был опубликован некролог со словами:

*И ты погиб, умер, прекрасный Яшенька... как пышный цветок, только что пустивший свои лепестки... как зимний луч солнца... пал жертвой всемирного бича, венеризма... пострадал от дикой орды, разрушающей всё, что есть ценного в человечестве... Спи спокойно, Яшенька, мы отомстим за тебя!*

*Примечание 1.1.* В связи со смертью Стрюцкого в Одессе был объявлен очередной виток красного террора. Расстреляно в общей сложности около ста тридцати заложников — в основном дворян, офицеров, попов и др. представителей отживших классов.

*Примечание 1.2.* Именем Якова Стрюцкого были названы 56 площадей, улиц, переулков, тупиков и разъездов в городах и сёлах РСФСР, полный список которых приводился в главе 57 Первого Тома нашего сочинения. Увы, от той главы мало что осталось.

**...в скверике напротив магазина «Химреактивы»...** — Автор слегка путается, потому как не местный: местным-то известно, что магазин «Химреактивы» находился не на Стрюцкого, а в расположенном рядом Проектируемом проезде № 1618. К тому же магазин закрыли в девяносто втором году, а сейчас там находится ресторан Bouillabaisse — мало отличающийся от покойных «Химреактивов» по ассортименту, но не по ценам.

**...cum grano salis...** — «с крупницей соли» (*лат.*), т. е. с иронией, подхихиком, поправочкой, оговорочкой, лыбочкой.

**...промолчим гороплоиво.** — Есть такой риторический жест — горопливое молчание. Частенько исполняется российскими политическими деятелями, когда на каком-нибудь публичном мероприятии до них дорывается не предусмотренный сценарием человек с неудобным вопросом.

**...соседка с первого этажа, познавшая жизнь, неоднократно говорила, что всякий мужчина после тридцати — либо сраный гад, либо бестолочь.** — Один из моих читателей, снисходя к невежеству молодёжи, откомментировал это так: «Переведу с бабского на общечеловеческий. До тридцати мужчина поддаётся очень легко на женские манипуляции, а после он или их раскалывает с ходу, или включает тупняк, то есть плохо управляем. Не ведётся ни на „бедную девочку“, ни на письки-сиськи. Или ведётся, но надо уж очень много калорий тратить, поэтому он плохой».

**Témoignage de respect** — «дань уважения» (*фр.*).

**Pedicabo vos et irrumabo, cinaedi!** — Латинское благопожелание. Последнее слово можно перевести как «хипстеры».

**Homme de lettres très renommé.** — Как известно, первый литератор (точнее, литературный герой), подписавшийся таким образом под предисловием к своему опусу, желал себя похвалить — почему переводчики обычно перекалывают эти слова как «писатель, достигший большой известности». Я скромнее, так что предпочитаю понимать под этой характеристикой нечто вроде «литератор с репутацией». Ну да, и в самом деле: определённая литературная репутация у автора этих строк, пожалуй, имеется. Хотя на хлеб её мазать я не стал бы.



Повествование в отмеренных сроках,  
семидесяти четырёх действиях,  
четырёх или пяти бездействиях,  
шести интроспекциях,  
трёх наставлениях,  
одном лирическом отступлении и одном простом,  
двух официальных документах и одном неофициальном, весьма обширном,  
двух ретроспективах,  
рекламной паузе,  
некрологе,  
торжественном напутствии,  
физиологическом очерке,  
четырёх обычных справках, двух синоптических и одной ориентировочной,  
семи справочных материалах по теме,  
а также пьесе в стихах,  
аналитической сводке,  
видении,  
врезке, выносках, ретропанорамах,  
экспресс-консультациях,  
исторического обзоре,  
обширном пояснении для читателей не вполне пронизательных,  
выдержках из секретного доклада,  
флешбэке, двух частных письмах  
и описывающее три этапа большого пути,  
с упоминаниями ночи, утра и КТ 8885 %37181,  
содержащее также BAD TRIP, HARD JOB и Кусочек счастья,  
а равно и множество цитат, аллюзий, намёков всякого свойства,  
отсылок и указаний, перечислять которые было бы долго,  
и состоящее из русских слов,  
приличных и неприличных, обычных и необычных,  
на всякий вкус, цвет, аромат и настроение,  
в числе немало, но достаточном,  
расставленных автором в нужном порядке  
для пользы и удовольствия  
г-на Читателя.

*Краткая редакция*



Вверг меня Ты в глубины морские,  
в сердце вод,  
оружили меня потоки.

*Иона 2:4*

КНИГА ВТОРАЯ

**ЗОЛОТО ТВОИХ ГЛАЗ,  
НЕБО ЕЁ КУДРЕЙ**

ЧАСТЬ 1



## Действие первое

### *Крокозитрон, или Буратина открывает глаза*

Роза — всего лишь цветок; образом совершенной Красоты она становится в воображении созерцающего её Поэта, который как бы заново рождает в своём Сердце её Красоту и даёт ей новое, подлинное Имя.

*Кольридж С. Т.* Исток художественного творения // Кольридж С. Т. Избранные труды. М.: Искусство, 1987.

Доводы, эффективные в любой ситуации: напористость, уверенный тон и официально выглядящие документы.

Руководство менеджера по продажам. Издание 92-е, стереотипное. ООО «Хемуль»: Тофсла и Вифсла, 311.

4 декабря 312 года от Х.

Директория, павильон «Прибрежный».

Утро.

Current mood: *narrative / словоохотливое*

Current music: *Прокофьев — Петя и волк*

Вдруг случилась примечательность, какой не припоминали старожилы. Выпал снег. Без шестнадцати девять на западном побережье Апеннинского полуострова выпал снег.

Он был робок, рыхл, этот снег. Он как бы сознавал, что ему здесь не место и не рады: он лишь только гость случайный в этих благословенных краях. Торжественно и тихо алел он под перстами пурпурными Эос. Но не таял — ибо его было много, очень много. Огромными хлопьями он падал и падал из холодного сердца небес, и налипал, и укутывал. Обыватели слепо тарасились, созерцая оплывший белый мир, от которого тянуло влажным холодком.

Побелели виноградники. В лунный цвет окрасились долины. И поля, и горы — снег тихонько всё прибрал. Он крыл карнизы, мохнатил ветви

паний, оседал на зябнувших плечах белых статуй в сумраке аллея. Снег пытался приобнять и живые, дрожащие плечики поэта Пьеро, сидящего на валуне и уставившегося невидящим взором в морские серые волны. Но поэт не замечал этих нежнейших приставаний. Он шлёпал холодными губами, гоняя туда-сюда строчки никак не дающегося стихотворения:

— Ты гламурно танцеловалась вечером у прибоя... Мы гламурно танцеловались вечером у прибоя... Вроде что-то вырисовывается. У прибоя, у пробоя, у проёб... Что-то такое... Нет, ничего такого. Нет, всё-таки что-то такое. И чего-то такое скрёблось о мою душу... скребалось о сушу... нет, пошленько. С другого конца попробуем. Как Мальвина любила утром... нет, темы утра тут быть не может. Как любила Мальвина ночами... допустим, отчаянье... или молчанье... аллитерация вроде бы намечается... Нет, хуйня какая-то. Всё не то...

— Шпикачку будешь? — крикнул поэту Напсибыпытреть.

Пьеро не удостоил его ответом — только дёрнулся, сбрасывая приставучий снег.

— Не будет, — уверенно сказал Арлекин, насаживая на веточку аппетитную колбаску. — У него душа.

— Чего у него? — не понял Напси, осторожно придвигаясь поближе к углям.

— Душа у него, — повторил Арлекин. — Он ею страждет. Говорю же, укушенный.

— Лечится это как-то? — поинтересовался Напси на всякий случай.

— Не-э-э-э-а, — Арлекин зевнул во всю глотку.

— И хрен бы с ним, — философски заключил пёсик, приняхиваясь левым глазиком к шпикачке. — Сардельку не передержи.

— Это ты сырое любишь. А я — горячее. Чтоб соком брызгало, — объяснил Арле, проворачивая прутик над углями.

— Соком брызнуть? — заинтересовался Напси. — Это мы можем. Сосни мою сардельку, а? Она горячая...

— Кукан тебе в очелло, скобейда помойная, — пробурчал Арлекин, ища перечницу.

В костре что-то треснуло, уголёк перелетел через Напси и злобно зашипел, уткнувшись в снег.

— Яюшки! Уаааааа! — раздалось из деревянного балагана напротив.

— Это он чего? — не понял Напси.

— Хуёво ему, — авторитетно объяснил Арлекин. — А может, даже хуевато.

— Хуёбесно, — предположил Напси.

— Й-извините, — попросила Алиса, зябко кутающаяся в одолженную у кого-то курточку, — вы не могли бы без мата? Очень неприятно, правда.

— А мы разве с матом? — удивился Напсибыпытреть. — Мат — это сознательно наносимое оскорбление, — он напустил на себя умный вид. — Наш метод употребления данных выражений совершенно иначе.

Мы используем эти термины для нанесения точных характеристик явлениям жизни. То есть не нанесения, а причинения. Ну как же ж это бля сказать-то, ёпа...

Арлекин вытянул ногу и несильно пнул говорливого пёсика по ляжке.  
— Остоебал, филолог.

Лиса поймала себя на мысли, что Арле прав не только содержательно, но и по форме: эти простые слова точно соответствовали тому, что чувствовала она сама. Напси именно что остоебал. И не только конкретными выходками, а самой сущностью своей. Точнее, сучностью: несмотря на калушачье происхождение, Напсибыпытретьень в некоторых отношениях был типичнейшим сукиным сыном. Особенно выбешивало Алису то, что в её присутствии пёсик всё время похабничал: то как бы случайно высовывал кончик писюна, то принимался вылизывать яички, то заводил разговорчик про минетики-поебушечки. Лиса, и без того страдающая от постоянного возбуждения, переносила такие выходки с трудом. На все просьбы, угрозы и обещания пожаловаться Карабасу Напси отговаривался тем, что лису не заметил из-за прискорбной своей слепоты. Мордка у него при этом, однако ж, делалась глумливая.

При всём при том Алису не оставляло ощущение, что она знакома с Напси лет сто, не меньше. Хотя на самом деле Баз и Алиса явились под светлы очи Карабасовы всего лишь позапозавчера.

Прибыли в сумерках. Кот особо не сентиментальничал: скупое, по-мужски, обнялся с Пьеро, поздоровался с Арлекином, представил Алису коллективу — и тотчас же отправился к Карабасу на доклад. Лисе пришлось ждать его четыре часа, и за эти четыре часа она совершенно извелась. Пьеро, видя её страдания, галантно предложил снять стресс перепихоном, а когда она объяснила всю трагическую невозможность этого — посочувствовал и угостил граппой. Лиса раньше не пила крепкого. Так что после первого глотка её пробило на слезу. Однако второй пошёл легче, в груди разлилось приятное тепло, а нервянка немного отпустила. И когда Карабас наконец позвал её к себе на разговор, она уже глупо хихикала.

Грозного раввина это не смутило. Он поразглядывал Алису минуты три — видимо, рылся у неё в голове, — после чего молча повёл к будке с косо висящей на одной петле дверью. Внутри была каменная лестница, ведущая в обширный подвал, освещённый слабенькой лампочкой. В свете которой лиса увидела знакомые предметы: автоклавы, микроманипуляторы, части разных устройств и прочую институтскую технику. Там был даже молекулярный щуп-датчик SNN199-3. Тот самый, который она украла давным-давно, когда только начала работать на Джузеппе.

Свежие впечатления и старые воспоминания повымели хмель из головы. Морщась от недостатка света, она осторожно осмотрела автоклавы.

Первые два были ей хорошо знакомы: те самые кастрюли с кроликом и цыпленом. Кто их сюда притащил и зачем, Алиса не знала. Но, очевидно, без злодейского таракана-мучителя тут не обошлось. Сами автоклавы

были в порядке, а вот существа в них давно не получали питательной смеси, отощали и заросли клетчаткой. Что творилось в их мозгах, лучше было даже и не думать.

Третий автоклав оказался биореактором-дебилдером для разборки тел на клеточные препараты. Он был в полном порядке, заряжен химикатами и готов к работе.

Вернувшись, лиса сказала Карабасу, что кролика и цыпля давно пора извлекать наружу и что она может этим заняться хоть сейчас. Карабас на это ответил, что по договорённости с владельцем автоклавов они будут переданы покупателям, причём важно, чтобы обрабатываемые существа продолжали находиться в автоклавах. После чего предложил Алисе приглядеть за ними пару дней. Потом, подумав, добавил: «Заодно и за моими ребятами присмотришь». И в простых выражениях объяснил, что именно он имеет в виду.

Лисе очень не хотелось заниматься шпионством и стукачеством — а назвать по-другому предложение раввина честная Алиса не могла при всём желании. Но деваться было некуда. Да ей и не хотелось никуда деваться. Хотелось хоть немного пожить ни от кого не бегая и ничего не опасаясь. Поэтому она, скрепя сердце, согласилась — искренне надеясь, что всё как-нибудь обойдётся.

В общем, пока всё как-то и обходилось. Правда, Базилио целыми днями где-то пропадал, а на лисьи расспросы бурчал что-то вроде «да так, дела всякие». Зато в обществе тораборцев лисе было легко и приятно. Арлекин, правда, несколько раздражал своей половой ориентацией и соответствующими разговорами. Но в остальном он был здравосмыслен и прост. Пьеро всё больше мрачился, туманился: то под айсом, то страдая Мальвиною. Зато он всегда был готов помочь с уколами и другими медицинскими процедурами — причём всё делал настолько умело и деликатно, что лиса практически не смущалась. И даже Напси, вредный и выебонистый, au fond был добрым малым. В общем, Алисе мечталось, чтобы «пара дней» затянулась на подольше. Если бы не слово, данное Карабасу, и не ещё одно обстоятельство...

— Ммммммм! Хрпррр! Бууууу! — донеслось из балагана на краю площадки.

— Может, всё-таки не будем его мучить? — в который раз предложила лиса. — Вы же сами понимаете, у него дефолт мозга. Давайте уже... сделаем что-нибудь, — закруглила она вполне понятную мысль.

— Оклемается, — упрямо сказал Арлекин.

В балагане висел — на вбитом в стену крюке — Буратина. Крюк пробила складку на шее сзади — так что деревяшкин держался на нём, свесив голову на грудь и хрипя от стеснённости дыхания. Увы, это было единственное положение, в котором бамбук не буйнил. Лежачий, он корчился и грыз доски, при попытке усадить его на попу — падал, после чего см. выше. Зато на стене он висел ровно, не дёргался, вот только орал время от времени.

Что с ним стряслось, никто так и не понял. Карабас, после представления лично осмотревший бедолагу, сказал коротко: «Мозги заклинило», и пристроил на стену со словами «Может, очухается». Но покамест бамбук на поправку не шёл. Лиса надеялась, что и не пойдёт.

Да, она его узнала. И, конечно же, по носу. Этот проклятый нос частенько являлся ей в ночных кошмарах, вместе с жутким чувством, что она не может его из себя вытащить. Алиса боялась, что, придя в себя, бамбук её тоже вспомнит. Умом-то она понимала, что вероятность этого крайне мала: деревяшкин в ту ночь был пьян в дрова. Но даже ничтожная вероятность, что этот позорный эпизод станет известен коту, повергла её в ужас. Ей казалось, что лучше отгрызть себе руку, только чтобы Базилио никогда-никогда не узнал, как она — по принуждению, но всё-таки — пыталась совокупиться с пьяной деревяшкой, а потом металась с отломанным отростком в самом интимном месте. Да и перспектива того, что живое напоминание о её позоре будет всё время болтаться у неё перед глазами, её очень нервировала. Она бы втихую умертвила Буратину, но опасалась Карабаса, который мог что-нибудь заподозрить, прочесть её мысли и выгнать вон.

Тем временем к кострищу подгрёб Пьеро. Вид у него был загадочный и неотмирный.

— Я сделал важнейшее открытие в области фундаментальной онтологии, — сказал он, присаживаясь на какой-то битый волнами плавник. — Я постиг природу реальности. Она выщцекруклиюмиста.

— Чё? — без особого интереса спросил Арлекин, снимая с вертела сосиску.

— Природа реальности, идиот! Она выщ-ще-крук-люб-ми-ста! — повторил Пьеро, нажимая на «ю».

— А выще... это самое — она чего? — подал голос Напси.

— А вот она — реальна! — победно заявил Пьеро. — Это и есть разгадка всего! Реальность выщцекруклиюмиста, а выщцекруклиюмистость реальна! Что кольцеобразно доказует!

— Нет такого слова — доказует. Надо говорить — доказывает, — заявил пёсик.

— Кто тебе айс дал? — задал более осмысленный вопрос Арлекин.

— Со вчера остался, — признался Пьеро. — Как тебе, кстати, вчерашнее? Збс?

— Збс, — подтвердил Арлекин. — Жаль, ты не видела, — сказал он лисе.

Алиса только развела руками. С её половыми проблемами присутствовать на представлениях театра было категорически противопоказано. Так что вчерашний вечер она провела в городе, в обществе Базилио.

Баз повёл себя галантно, но эксцентрично. Вообще-то, он старался в Директории лишний раз не появляться, чтобы не нарваться на лицаев. Но тут он вдруг осмелел и повёл Алису в дорожущее заведение

«Пятьдесят оттенков серого» на бульваре Сен-Санс — то есть в самом центре, чуть ли не напротив полицейского участка. Ресторан был и впрямь крутой. Рассчитанный на лисьих и кошачьих, он специализировался на мышатине и крысятине. Лиса охотно удовольствовалась бы стейком из основного меню. Но кот вдруг раздухарился и заказал официантку, миленькую мышку-трёхлетку. Заказ влетел в заоблачную сумму. Однако платить не пришлось. Баз, посмотрев сквозь стенку в микроволновом диапазоне, засёк, что мышку не забили, а тихонько увели на задний двор, мясо же достали из холодильника. Кот устроил скандал, дошёл до владельца заведения — пожилого почтенного крысака — и сжёг ему усы. Перепуганный ресторатор всё свалил на крысу-администраторшу. Вырезку из которой через полчаса подали гостям под фирменным соусом, в качестве извинения. Администраторша оказалась весьма аппетитной дамой, так что лиса объелась и потом всю ночь промаялась животом. Впрочем, на фоне утренней боли в тазобедренных суставах — бешеные вектора опять что-то поналомали и понаворотили — это показалось мелочью.

— Не, ну а чо, вчера правда круто было. Мы всех порвали, — заявил Напси таким тоном, будто всё это он совершил лично сам, а остальные так, присутствовали.

— Писториус хорошо поёт, — вспомнил Пьеро. — У неё талант.

— Няш у неё самый обычный, а не талант, — не согласился Напси. Он был слегка обижен на рыжую, от которой никак не мог допроситься даже паршивого минетика, не говоря о чём-то большем. Впрочем, тут он был не одинок: Ева отказывала всем — вежливо, но недвусмысленно. Увы, поняша считала себя принадлежащей Карабасу душой и телом.

— Да похуй, как это называется, — поморщился Арлекин. — Няш, хуяш... Главное — результат.

— Результат командный, — упёрся пёсик. — Мы все вносим свой вклад.

— Ага, особенно ты, — ухмыльнулся Арлекин.

— Я что, плохо конферанс веду? — пёсик сердито взрыкнул, как бы напоминая, что он всё-таки пёс, хищник, а не хуйня беззубая.

— Нормально ты ведёшь, — пожал плечами Арле. — Просто шоу держится на Еве и Пьеро. В основном на Пьеро.

— Ну вот не надо всё так сводить, — Напси несогласно боднул головой воздух. — Ты сам посуди. Без тебя Пьеро смог бы выступать? Нет. Потому что ты единственный, кто его поле выдерживает. Верно я говорю?

— Типа того, — согласился Арлекин.

— Ну вот. Дальше: без Карабаса мы бы где были?

— Где-где... Без Карабаса вообще ничего бы не было, — согласился Арлекин.

— Ага, вот видишь? Ну и так далее. Короче, все участвуют. Колбаску передай, пожалуйста.

Арлекин открыл было рот, чтобы сказать, что он думает об этом «и так далее», но вместо этого протянул пёсику кончик прута с благо-

ухающей сарделиной. Тот занюхнул её обоими рыльцами, сладострастно заскулил — и, ухвативши лакомство, смачно уел его, брызгая во все стороны соком и слюнями.

Дела у Карабасовой труппы и впрямь шли недурно. Да чего уж там — зыкенски.

На второе представление публики привалило втрое больше прежнего. Особенно много было пожилых домохозяек, а также томных молодых существ условно-мужского пола. Билеты разлетелись мгновенно, хотя Карабас поднял цену до пяти соверенов. И всё равно продешевил: последние билетки уходили с рук за тридцать золотых, а то и выше. Что касается самого представления, оно прошло на ура, за исключением мелкого эпизода — во время исполнения «Маленькой лошадки» пожилая слониха от восторга обкакалась на землеройку. Та, впрочем, выбралась из-под глыб самостоятельно и отнеслась к происшествию с юмором. Чтобы сгладить впечатление, Писториус исполнила «Wild Horses», а потом и вовсе осмелела и задвинула «Ночную Кобылу». Мрачная песня пробрала зрителей аж до печёнок. Так что коронный номер Пьеро и Арлекина лёг на подготовленную, благодатно взрыхлённую почву.

Результаты не заставили себя ждать. После выступления к Еве подвалил койот-импресарио из «Мулен Руж» и посулил полугодовой ангажемент. Писториус сразу соглашаться не стала, взяв время на подумать. И не прогадала: следующее предложение было от престижнейшего Олимпия-холла... Что касается Пьеро, то к нему повалили представители всяких закрытых клубов. Этих взял на себя Карабас, который отшил всех, кроме одного — странного малоформатного существа, напоминающего помесь долгоносика с гладиолусом. Однако же держалось оно чрезвычайно уверенно и хозяевато, а на вопрос «кто вы, собственно?» отвечало: «Я просто старый театрал... ах, это всё так неважно». Тем не менее Карабасом оно было принято, удостоено десятиминутной беседы, после чего старый театрал забрал с собой Пьеро и куда-то увёз. Маленький шахид вернулся только под утро — тихий, задумчивый. Уклонившись от расспросов, он пошёл к берегу моря. Там он и встретил снежный рассвет, размышляя и сочинительствуя.

— Й-извините, — сказала Алиса. — А мне можно кусочек?

— Всегда пожалуйста! — ухмыльнулся Арле, снимая с веточки очередную шпикачку и протягивая лисе. — Это тебе не пенис канина!

— Я попросил бы, — возбух Напсибыпытретьень. Но возбух как-то вяло, лениво. Покосившись на него, Алиса увидела, что Напси лежит на боку, слегка пошевеливая задними лапами. Весь его вид свидетельствовал о том, что пёсик борется с дремотой и борьбу проигрывает. Похоже, последняя сарделька перегрузила его пищеварительные возможности.

Лиса принялась за свою порцию, аккуратно откусывая кусочки.

— Хорошо сидим, — констатировал Арлекин.

— Не очень, — неожиданно возразил Пьеро. — Нет динамики.

— Чего-чего нет? — не понял маленький педрилка.

— Динамики нет, — пояснил поэт. — Действия. Мы ничего не делаем. Жрём, болтаем.

— И чего? — искренне удивился Арлекин.

— Вот представь, что про тебя пишут роман, — принялся объяснять Пьеро. — А ты в нём ничего не делаешь, только сардельки жарить. На семи страницах подряд жарить сардельки. Стал бы ты такое читать?

— Знаешь, мне как-то похуй, — искренне сказал Арлекин.

— У тебя обывательский взгляд на реальность, — опечалился Пьеро. — Ты не хочешь выходить из зоны комфорта. А именно за её пределами и случаются чудеса.

— Пиздюли там случаются, — проворчал Арле. — Спасидо, не надо.

— Ну вот я и говорю — обывательский у тебя подход. Пиздюли — это поцелуи Мироздания, которые твоё тело ещё не готово принять... Да и вообще, что хорошего в том, чтобы жрать сардельки? Нужно ещё носить в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду! Нужно иметь лёгкие ноги, чтобы бежать по голубым тропам! Нужно жить так, чтобы было мучительно сладко! — последние слова он проорал в голос.

— Чтоб мучительно сладко, деньги нужны, — осадил его Арлекин. — Без бабла какая динамика? Даже нажраться — и то бабосов требует. Напси, у тебя граппа осталась?

Задремавший было пёсик приподнял одно рыльце.

— Есть бутылочка, — признал он. — Но с утра как-то... Вот бы винца красненького. И косточек бараньих.

— Хорош жрать-то, — сказал Арлекин. — Ты уже брюхо по земле волочёшь. Сам не видишь?

— Да ну тебя, — лениво ответил Напси, перевернулся на другой бок и сладостно всхрапнул. Окончательно погрузившись в наилучшее состояние, в котором только и может пребывать подлинно разумное существо — в сытый сон.

Арлекин тяжело вздохнул. Карabas не давал трупке на руки ни сольдо. Не из жадности, а по дисциплинарным соображениям. Он опасался, что его подчинённые могут пренебречь своим долгом ради загула, запоя, а то и хуже. Базилио, правда, регулярно подбрасывал коллегам небольшие презенты — в основном алкогольные. Бутылочка граппы была как раз из котových подгонов.

— Не могу забыть твоих бёдер широких лиру... — снова застихал Пьеро. — Миру — миру — миру... Поведаю миру... Городу и миру... Нет, хуйня какая-то... Ты прекрасна вся, но твои бёдра слаще всего... Слаще... В чаще... Олени в чаще... Как же меня подзаебали эти олени, преследует меня их образ... И ещё какой-то недопёсок всё время лезет, как его там...

— Не хочу показаться грубой, — осторожно сказала Алиса, — но, может быть, вам лучше туда? — она показала мордочкой на морской берег. — А то мы вам, наверное, мешаем?

— Не хочу показаться грубой... — механически повторил Пьеро, закатив глаза. — Не хочу показаться грубой... губой... губа не дура... натура... такая натура... кубатура... ебантура... — Внезапно в бессмысленных глазах его блеснула молния. — Не хочу показаться грубым, но я б вас выеб!

Лиса посмотрела на Пьеро испуганно и на всякий случай отодвинулась.

— И это прекрасно! — закричал поэт. — Да! Вот оно! Вот! Алисонька, умница, ты меня вдохновила, дай я тебя поцелую... — Он внезапно придвинулся и чмокнул Алису куда-то пониже уха.

— Что такое? — не понял Арлекин.

— Кристаллизация смыслов! — вскричал Пьеро. — Явление сущности! Сотворение мира! Я только что закончил новое стихотворение.

Арлекин разочарованно зевнул, издав тоскливый долгий звук.

— Ну конечно, обывателям это чуждо, — голос маленького шахида зазвенел презрительным негодованием. — Поэтому я прочту свои стихи морю и небу. Вы их не заслужили.

Он встал, демонстративно отвернулся от присутствующих. Простёр ввысь правую руку, левую ногу отставил назад и запрокинул голову вверх, к уныло нависшим небесам.

— Как любила меня Мальвина ночью на чёрном море, — продекларировал он, помавая рукавами. — Золотая её промежность...

— Голубая же? — не понял Арлекин.

— Дурак! Я не в смысле цвета волос, я в высшем смысле, — снизошёл до комментария Пьеро и начал заново:

Как любила меня Мальвина ночью на чёрном море!

Золотая её промежность тёрлась о мою душу.

Мы гламурно танцеловались вечером у прибора,

А потом тонули друг в друге, не выходя на сушу.

Никогда уже не забуду бёдер душистых выгиб,

Грудь твою и животик сладкий — ты вся прекрасна!

Не хочу показаться грубым, но я б вас выеб!

Не хочу показаться блядью, но я согласна!

Последние слова он пропел голосом пронзительным и фальшивым.

— Ты того... потише, — серьёзно сказал Арле. — А то эти самые вылезут.

Пьеро выдохнул, почесал репу и сел.

— Кстати. А кто-нибудь их видел? В натуре? — спросил он.

Все замолчали.

— Я видела, — вспомнила лиса. — Давно ещё. В Институт их привозили. Для опытов.

— И как они? — заинтересовался Арлекин.

— Странные, — признала Алиса. — В них человеческих генов нет совсем.

— Быть того не может, — искренне изумился Напси. — Они даже во мне есть.

— Вот так вот. Нету, — сказала лиса.

— Тогда понятно, — задумчиво промолвил Пьеро.

Что именно понял маленький шахид, осталось неизвестным, ибо Напси пробудился, с усилием приподнял левое ухо и уверенно заявил:

— Идёт кто-то. Сюда.

— Откуда? — уточнил Арлекин.

— С северо-запада, — сказал пёсик.

Тут уже и Алиса услышала скрип песка и вздохи.

Минуты через три перед честной компанией предстало существо, повергшее всех в совершеннейшую оторопь.

У существа были две ноги и три руки разной длины, причём руки росли из жопы. Хотя и это было бы ещё ничего: подобное явление встречалось среди всех основ. Удивительнее было то, что между корявых ног существа росла борода, на верхних коленях — перья, единственный глаз находился в пупке, а две ротовые щели чмокали и разевались где-то под рёбрами — если, конечно, там были рёбра. Поверх того, что напоминало плечи, торчали длинные, петлюристые опёзья, покрытые фиолетовыми прыщиками. Меж ними росли хоботки разных длин, цветов и диаметров. Самый толстый из них грустно висел на груди, остальные его утешающе поглаживали.

Всё это безобразие было нежно-салатового цвета — кроме белёсого пуза, — но с разноцветными пятнами на ляжках. И только промежуток золотилась, как спелая морква.

— Ыыы... Ты кто? — первым нарушил молчание Арлекин.

— Не знаю! — призналось существо левой ротовой щелью, а правой шумно и скорбно чихнуло. Хоботки зашевелились, задудели на разные голоса, озвучивая тёмный аккорд вне тональности, вязкое «до — фа диез — ля».

— Звать-то тебя как? — не понял Арлекин. — Да ты садись, в ногах правды нет.

— Розан Васильевич, — представилось существо, перейдя на чуть менее унылое ля-минорное дуденье и присаживаясь на корточки.

— А по основе? — спросил педрилка.

— Да говорю же — не знаю! В том-то всё и дело! — существо горестно замычало главным хоботом. — Денег сколько генетикам заплатил! Нет, говорят, такой основы! Ну и что мне делать? Уволят как пить дать! — существо прослезилось. Из уголков его единственного глаза брызнули две симметричные струйки влаги.

Напси понюхал воздух и спросил делово:

— Насчёт выпить как?

— Буду, — не чинясь, согласилось существо и протянуло сразу три хоботка.

Через некоторое время странная тварюка уже глушила граппу, одновременно рассказывая обоими ртами свою историю.

Существо, по его собственным словам, было калушонком. Звали его Розан Васильевич, и это было всё, чем наградила его мать-калуша. О том, как он провёл молодость, Васильевич умолчал. В настоящий момент он вроде как работал в Минкульте, в департаменте поддержки народного творчества. Нареканий он не вызывал и хотел там и проработать до пенсии. Однако в последнее время в правительственных структурах началась кампания по выравниванию представительства разных основ. Кампанию Васильевич оценивал как бессмысленную и даже вредную. По его словам, всё свелось к тому, что из канцелярий погнали привычных крыс, а вместо них набрали косоклювых неясителей, бессмысленных аспидохелонов, смрадных харадриев, гадских удонов и т. п. На его отдел, впрочем, не покушались. Но возникла проблема: теперь при переоформлении документов нужно было непременно указывать свою основу, чего ранее не требовали. Причём без заполнения этой проклятой графы документы не принимали, а насчёт основы требовали справку.

Тут-то Розан Васильевич и попал в непонятку.

Ни один специалист так и не определил, что он такое. Отчаявшись, он заказал дорожную экспертизу, и как раз сегодня пришёл официальный ответ. Смысл его состоял в том, что в известных генетических библиотеках фрагменты его ДНК не значатся. В частном порядке ему сообщили, что в нём есть гены макропулюсов и блджадов. Однако эти существа жили сотни миллионов лет назад и к тому же были водными, так что ему посоветовали это в анкете не указывать. Васильевич понял, что ему намекают на рыбонство, и ушёл. Точнее — пошёл куда глаза глядят.

— Не знаю, что и делать, — закончил он. — К кому теперь обращаться?

Арлекин, слушавший всё это очень внимательно, вдруг напустил на себя компетентный вид и предложил:

— А вот к нам и обращайтесь. У нас есть специалист по решению проблем, — и показал на Пьеро.

Существо выкатило глазастое пузо, осматривая маленького шахида.

— Простите, — произнесло оно с сомнением, — а в каких именно проблемах ваш товарищ специалист?

— У него Дар, — объяснил Арлекин. — Предвидения. Мы тут все паранормы, — без ложной скромности сказал он, — но он самый крутой.

— Пупум-пупум-пупум, — выдала синяя трубочка на задней части существа. — Простите, но вы точно паранормы?

— А то! — подал голос Напси. — Эмпатетический театр имени Антона Арто! Слыхал?

Существо вздрогнуло и вытаращилось.

— Театр? Тот самый? Так через меня ваши бумаги проходили. Я вам разрешение на выступления выписывал! Кто у вас худрук?

— Карабас бар Раббас, — доложил пёсик.

— Гм... Ну тогда всё правильно. Меня предупреждали — действительно паранормы... А что, ваш, э-э-э, коллега правда видит будущее?

— Только когда айсом упорется, — снисходительно объяснил Арлекин. — А так — просто прозревает суть вещей. За умеренную плату.

— Плату? Я думал, мы друзья, — опечалился Васильевич, выдувая из оранжевой трубочки разочарованный си-бемоль.

— Друзья, друзья! — обнадёжил его Арлекин. — А друзьям — пятьдесят процентов скидки! Так что всего за триста соверенов...

— За три, вы хотели сказать, — поправил его Розан.

Алиса зевнула. Она не любила, когда торгуются.

Впрочем, продолжалось это недолго. Стороны быстро сошлись на тридцатке. Всё это время Пьеро сидел молча и тарачился непонятно куда.

— Ну хорошо, — наконец сказала существо, закончив с финансовым вопросом. — Так что же? — обратился он к Пьеро. — Смотри: вот он я! *Назови меня!*

Пьеро как бы очнулся, вперился очами в пришлеца и закорячил необычайно сложные щщи. Потом на лице его отобразилось нечто вроде понимания.

— Ты, — сказал он с совершенной уверенностью, — крокозитроп. Ударение на последнее «о».

— Ч-чего? — не понял Розан Васильевич.

— Крокозитроп, — любезно повторил Пьеро. — Обыкновенный, средней пушистости.

— Э-э... — существо собралось с мыслями. — А почему это я крокозитроп?

— Да кем же ты ещё можешь быть-то? — неожиданно рассердился Пьеро. — Медузой, что ли? Оленем? Пяденицей? Или сороконожкой какой-нибудь сраной? Да ты сам подумай умом своим, ну какая из тебя сороконожка? Да ты на себя посмотри хотя бы! Какие у тебя варианты есть вообще?!

Такой незамысловатый аргумент произвёл на Розана Васильевича определённое впечатление. Трубочатые хоботы его задумчиво повисли на плечах.

— Ну допустим, — сказал он наконец. — Я, собственно, не против. Крокозитроп так крокозитроп. Я без предрассудков. У меня в отделе плюхотракливица работала, ну и нормально. Проблем не возникало с ней... Может, мне даже поощрение какое выйдет за крокозитропство... Справочку выпишите? А то сами понимаете...

— Да не вопрос, — сказал Арлекин. — Напси, сходи за бумагой. И ручку принеси.

Пёсик с крайне недовольным видом поднялся и тяжело потрусил к палатке.

Через десять минут Розан Васильевич стал обладателем документа, который удостоверял, что в результате проведения паранормальной экспертизы в присутствии двух свидетелей он диагностирован как

крокозитроп обыкновенный. Все, кроме Алисы, заверили документ подписями и отпечатками ауры.

Розан Васильевич легко отдал деньги и тут же попрощался: по его словам, он ещё имел шансы оформить и подать документы до обеда.

— Ну так чего? — спросил Арлекин, подкидывая на ладони мешочек с золотом. — У нас есть на что. Едем в город или тут сядем?

— Смотря где сейчас Карабас, — рассудительно сказал Напси.

— Укатил с Евой, — сообщил Арлекин. — Вроде бы до вечера. Так что можно немножко расслабиться.

— Оттянуться, — уточнил пёсик. — Чутьочку совсем оттянуться... Пьеро, а как ты определил, что это чучело — крокозитроп?

— Элементарно, Напси. Самое обыкновенное трансцендентальное созерцание, — заявил маленький шахид. — Просто смотришь на предмет и прозреваешь его экзистенцию. Делов-то.

— А слово «крокозитроп» ты тоже сам придумал? — не отставал Напси.

— Что значит придумал? Я прочёл его в анналах судеб, — ответил Пьеро тем же тоном.

— Насчёт анала — это мы пожалуйста, — оживился Арлекин.

— Твой примитивный редуционизм онтологически нищ и методологически контрпродуктивен, — выговорил Пьеро на одном дыхании, потом потянулся и прикрыл глаза. — И вообще, я сегодня свершил слишком многое. Я творчески опустошён. Мне необходима смена ментального фона. Пожалуй, лёгкое, едва ощутимое опьянение пошло бы на пользу.

— Может, водочки возьмём? — предложил Напси. — Надоела граппа.

— Водочки? — Пьеро пожевал губами. — Почему бы и нет? Но не будем на этом останавливаться. В этом городе есть нормальный абсент? С айсом пойдёт...

— Й-извините, — тихо сказала лиса. — Ребята, вы же напьётесь. Устроите чего-нибудь. Карабас потом ругаться будет. Может, не надо?

Пьеро посмотрел на лису с недоумением и обидой. Арлекин, напротив, наградил её таким взглядом, что впору было ей самой обидеться. Даже Напси, и тот издал какой-то сквозьзубный звук, неприятный крайне.

Лисе стало жарко, неловко. Наступила та самая ситуация, в которой она была ну просто обязана известить шефа о готовящемся безобразии.

— Карабас узнает, — повторила она для очистки совести. — Точно узнает.

Никто не ответил.

— У нас событие, — наконец сказал Арлекин, как бы проглотив какие-то другие слова. — Пьеро новое стихотворение написал.

— Это факт культуры, — солидно подтвердил Напсибыпытретьень. — И его необходимо встретить достойно.

Алиса встала и пошла прочь от кострища. На душе у неё было муторно. Ей не хотелось стучать на новых знакомых. Но не оправдать доверия Карабаса не хотелось тоже.

— Улялялааааа! — раздалось из балагана. — Дю-дю-дюуууу!

Лиса внезапно остановилась. Ей пришла в голову идея. Простая, но очень честная, но решающая проблему с деревянным парнем. Риск был, но это могло сработать.

Она пошла в ангар к электорату и нашла там рыжего бэтмена по кличке Апельсинчик. Его Карабас обычно информировал о своих предполагаемых маршрутах.

— Найди хозяина, — сказала лиса, строго смотря бэтмену в глаза, — и скажи: «Пьеро и Арлекин случайно заработали денег и теперь хотят устроить пьянку». Повтори.

Бэтмен смешным писклявым голосом воспроизвёл каждое слово.

— Тогда лети... А, нет, вот ещё чего. Скажи, что я проверяла автоклавы. Кролик и цыплята совсем истощены. Им нужен питательный раствор. И по десять килограммов живых клеток каждому. Срочно-срочно. Ещё скажи, что у нас в балагане висит какая-то заготовка с дефолтом мозга. Я могу её использовать. Желательно сегодня, иначе я ни за что не ручаюсь, — добавила она.

Бэтмен отбарабанил услышанное и улетел. Алиса присела на освободившийся насест, скрестила руки.

В принципе, думала она, всё это была почти правда. Кролик и цыплята и в самом деле отошали. Свежие клетки для ребилдинга им очень даже не помешают. Так или иначе, она не особенно погрешила против истины, умолчав только о личных мотивах. Но вряд ли Карабас станет снова рыться в её голове — зачем ему это...

Алиса почти поверила, что проблема почти решена, когда висящий в балагане Буратина издал особенно жуткий вопль и открыл глаза.

### **Addenda et corrigenda: кулинарные рецепты, песнопенья, опёзья**

**...мышку не забили, а тихонько увели на задний двор, мясо же достали из холодильника.** — Да-с, бывают такие нечистые на руку рестораторы! Ты у них покупаешь — за немалые деньги, прошу заметить! — живую рыбу или краба из аквариума, а тебе приносят что-нибудь перемороженное. Особенно в Москве много таких жуликов! Да чем же они лучше Гитлера — или даже, извините, Собянина?

**...чью вырезку через полчаса и подали гостям.** — Есть мнение, что мышатину административных и канцелярских разновидностей следует тушить, а не жарить. Это, в общем, справедливо, однако относится толь-

ко к мясу в стадии трупного окоченения (4–6 часов после забоя). Парная мышатина требует жарки. Рекомендуется предварительно натереть куски крупной солью с перцем, так как парная мышатина пресновата. См., напр., *Сталик Х., Стешин Д.* Кухня «арабской весны». СПб.: Астрель, 2016. (Серия «Военно-полевая кулинария»).

«**Wild Horses**» — песня из Круга Песнопений Rolling Stones. Повествует, как и все святые песнопения, о вечной любви к Дочке-Матери, однако в Эквестрии популярна и как баллада, обращённая кобылкой-воздыхательницей к предмету своего обожания.

«**Ночная Кобыла**» — заветная песня из Круга Песнопений Хелависы. Посвящена гневному и карающему образу Дочки-Матери, обращаемому к недостойным адептам. В Сундуке Мертвеца располагается в директории «Хуита разная», что, по мнению толкователей-педобиров, знаменует сравнительно меньшую — по сравнению с иными песнопениями — духовную ценность композиции и даже некий соблазн для незрелых умов, в ней содержащийся.

Песня запрещена к исполнению в Эквестрии (наряду с «Восхождением Чёрной Луны» из Круга Песнопений Калугина и «Dark Horse» Кэти Пэрри) из-за нежелательных ассоциаций с мифической Найтмэр Блэкмун. Не благословляется исполнение в ряде зависимых от Эквестрии доменов, а также в Хемуле, по причине нерасположенности вриогидры Морры к песням Хелависы.

Несмотря на всё вышеперечисленное, «Ночная Кобыла» популярна в среде некоторых эквестрийских молодёжных субкультур, особенно среди т. н. готишных лолит.

...**длинные, петлюристые опёзья...** — Автор должен сознаться в своей малограмотности: он не знает точно, как правильно писать слово «опёзье» — через «е» или через «ё». В словаре Ожегова данное слово почему-то отсутствует, Википедия тоже помалкивает.

Пришлось ориентироваться на такой сомнительный источник, как стихи Пьеро, в одном из которых есть рифма «тверёзый — сикопёзый». Однако автор не уверен, знал ли точно Пьеро, как пишется слово «тверёзый».

...**бессмысленных аспидохелонов, харадриев...** — Воистину бессмысленные и бесполезные существа, недостойные даже упоминания в словаре! Ну их.

...**гадских удонов и т. п. п.** — «И тому подобную пакость». Некоторые, впрочем, полагают, что это сокращение расшифровывается как «и тупых похабных пёзд». В любом случае — это то же самое, что «и т. п.», но неодобрительно.

## Интроспекция нездоровая

*Часть моего удовольствия*

Тайная Канцелярия Его Величества Тораборского Короля

Личное дело № 10.00316.152, сокращённо

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: неизвестно (вероятно, калушонка)

ДАТА РОЖДЕНИЯ: см. расширенную версию справки

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: неизвестен

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 24 года

ОСНОВА: шимпанзе

ПОЛ: женщина

ПРАВОВОЙ СТАТУС: верноподданная Его Величества

ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ: психократ 1-й категории

(с ограничениями, см. расш. версию справки)

НЕДОСТАТКИ: ебанутая

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Мальвина Тоскаровна Ойна-Моруль

ПОЗЫВНОЙ: Мальва

Строгая госпожа Садо-Мазо Домина. Стильная, ухоженная женщина с хорошими манерами! Доминирую, унижаю, подчиняю! Люблю пороть и наказывать рабов. Конфиденциальность. Встречусь для воплощения фантазий за материальную поддержку. Не салон! Территориально м. Озерки.

<...>.board/клуб-знакомств/дамы/item\_24796425/

4 декабря 312 года от Х.

Страна Дураков, междоменная территория.

Законсервированная военная база «Graublaulichtung».

Утро, пол-одиннадцатого.

Current mood: *strict / требовательное*

Current music: *Cold In May — Malvine*

%%

: timing: 9227 день жизни 10 час 32 минута 03:32 | предыдущий прогноз на реальность? > позитивный < я всё делаю правильно < я дол-

жна быть вознаграждена < есть вознаграждение? = нет вознаграждения > кто виноват? не я > все не-я виновны передо мной и должны быть наказаны.

: check point: день час 17 минута 55:20 | Гипотеза? заснула в кресле < лёгкий дневной сон = хорошо ? я хорошо сплю < я слежу за своим состоянием и поддерживаю себя в форме < за это я тоже должна быть вознаграждена < вознаграждение есть? = вознаграждения нет > кто виноват? виновные > все виновные виновны передо мной и должны быть наказаны.

: test

Я сижу у пульта < это командное положение < я всегда должна занимать командное положение < я бесконечно важнее | ценнее | существеннее прочих / других / виновных передо мной < я бесконечно выше и лучше всех и всего, неизмеримо, несравнимо, нетленно, вечно < я должна Вечно Быть и Наказывать + за это я должна быть вечно вознаграждаема < = опять нет вознаграждения! > кто виноват? все > все, все, все виновны передо мной и должны быть наказаны.

:: самосознание %right

Непосредственная угроза? нет: Я нахожусь в непотревоженном извне укрытии > в безопасности < относительной безопасности < всякая безопасность относительна ??< L. knowledge base : чрезмерная забота о безопасности приводит к уменьшению реальной безопасности / необходимый баланс 70/30 ? выдерживается < я всё делаю правильно < за это я также должна быть вознаграждена < = вознаграждения нет! > кто виноват? > другие < другие виновны передо мной и должны быть наказаны.

:: оценка реальности %correct

Осмотр. Я смотрю на себя в небольшое зеркальце > как же я прекрасна! < как чудовищно, страшно, мерзко уродливы все остальные, не-я > почему они не издохнут? > они не хотят > они виновны перед моей красотой < они должны быть наказаны.

: Моё текущее местоположение: законсервированная база-убежище «Graublauichtung» < где именно? < надземная часть комплекса.

>> L1. knowledge base : = представляет собой небольшое сооружение защитного цвета. Голубого? < скорее хаки, чем голубого < Хаки?

>> F. knowledge base : = Слово «хаки» происходит от архаического санскритского «каки», что означает «грязь». < В русском языке есть соответствие «каки» — «кал, экскременты».

!= Это неприемлемо: кал, экскременты = плохое, вонючее = то, чего достойны другие/виновные, не-Я > не хочу даже косвенных ассоциаций плохого, вонючего с собой. Это правильное отношение < я права < и за это тоже должна быть вознаграждена < = но я лишена своего вознаграждения < кто виноват? воры, укравшие мою награду > они виновны передо мной и должны быть наказаны.

= я интерпретирую\перевожу сложное слово Graublaulichtung как «Сизая поляна». Graublaulichtung : Сизая поляна = ?

!= Немецкий язык был бы удобнее русского в качестве универсального средства общения. Русский раздражает запутанными синтаксическими конструкциями + уродливой системой склонений и спряжений + размытостью семантических полей. Когда я побегу и восстановлю своё Абсолютное Право Надзирать и Наказывать, все будут наказаны за этот неудобный язык. И за всё остальное.

Вход, которым я пользуюсь, и в самом деле расположен на лесной поляне, которую и в самом деле можно назвать сизой > в особенности ранним летним утром, примерно как сейчас | на полчаса-час раньше.

test << Концентрируюсь на окружающем базу сегменте биосферы.

Тревожных сигналов нет > разумные существа здесь не появлялись < они меня не беспокоили < они виновны передо мной и боятся, что я об этом узнаю > они должны быть наказаны.

За последние месяцы моя власть возросла. Мой контроль над низшими существами не прекращается даже во сне < в частности: теперь я могу использовать зрение птиц + бабочек для мониторинга территории в пределах километра < другие этого не могут < я лучше всех прочих, я бесконечно лучше всех прочих, я абсолютно превосхожу всех прочих < я должна быть вознаграждена < я не получаю вознаграждения, я опять не получаю вознаграждения > кто виноват? виновные < они, виновные, должны быть найдены и наказаны, наказаны, накааааазаны!!!!

:: обстановка %normal

Список текущих задач <! Основная? = пополнить запасы продовольствия.

На базе имеется склад, где хранится еда. Продуктам более трёхсот пятидесяти лет, однако они вполне съедобны благодаря качественным технологиям консервации < Склад мне недоступен > все двери заперты и заблокированы > Я не оставляю попыток открыть замки / результат empty > кто виноват? те, кто закрыл замки > они все давно мертвы > они наказаны > они справедливо наказаны > я удовлетворена < я справедлива < за это я должна быть вознаграждена < мне опять не дали вознаграждения > это несправедливо > несправедливые должны быть наказаны, наказаны!

Мыши, ментально запрограммированные мной, приносят мне сахар из заблокированных складских помещений. Однако они приносят мало сахара < они виновны передо мной и должны быть наказаны (в своё время).

Поблизости есть кроты. Иногда их можно задействовать для поиска питательных кореньев. Но я не люблю готовить коренья < готовить коренья утомительно > почему кроты не готовят мне еду? > они не способны < все неспособные служить мне виновны передо мной и должны быть наказаны (потом).

+ кроты нерасторопны > они виновны передо мной < и должны быть наказаны (впоследствии, когда перестанут быть нужны).

Сороки, ментально запрограммированные мной, способны преодолевать расстояние до городских кварталов Директории и приносить мне небольшие предметы, в основном — кондитерские изделия. Мой организм нуждается в сладком? Возможно, психологическая зависимость? Проверить —> в список задач, раздел «среднесрочное».

Ястребы приносят мне дичь. Несколько раз приносили жареную дичь. Видимо, поблизости есть поселение. Проверить —> в список задач, раздел «приоритетное».

Сороки и ястребы также виновны передо мной и должны быть наказаны < они служат мне, но они делают это без уважения.

Список задач: вчера. Не выполнено 3. Основная? = очередная неудачная попытка проникнуть в закрытые внутренние помещения базы. Кто виноват: заблокировавшие помещения > они мертвы > они наказаны. Виноваты: все, кто не разблокировал помещение и не предоставил базу в моё полное распоряжение < виноваты все местные < все, все, все-все-все они виновны передо мной и будут наказаны, когда я разблокирую базу и овладею оружием.

F. knowledge base : Общая схема базы «Graublauichtung». Раздел II. Подземные части комплекса.

II-а. Уровень 1. Видимо, этаж дежурного. Представляет из себя центральный барабан + непосредственно связанные с ним две небольшие комнаты 1-а и 1-б, каждая из которых оборудована вытяжной вентиляцией и сантехническим комплектом. В комнате 1-б сантехника работает < Обычно я использую её как ванную + туалет.

Кроме того, имеется складское помещение, в котором, судя по сохранившимся схемам, хранились скафандры биологической защиты + средства пожаротушения + сухпай. Сейчас помещение пусто. Кто виноват? Те, кто вынес оборудование > неизвестно, когда его вынесли = неизвестно, мертвы они или живы > важно только одно: они виновны передо мной и должны быть наказаны.

II-б. Уровень 2. Первый изолирующий этаж. Связан с этажом дежурного колодцем со шлюзами. Представляет из себя центральный барабан несколько большего диаметра, нежели на Уровне 1, от которого отходят четыре коридора 2-А, 2-Б, 2-В, 2-Г. Мне доступны три, в четвёртый (2-Г) проникнуть пока не удаётся. Коридоры заканчиваются блоками из трёх комнат.

III. Второй изолирующий этаж и ниже. Недоступны: колодец центрального барабана заблокирован изнутри.

!= База «Graublauichtung» представляет собой оптимальный опорный пункт для удержания доминирующего положения на местности.

После финального репрограмминга местной биосферы я смогу подчинить | уничтожить все местные банды, после чего объявить себя

правительницей местности < не является моей конечной целью, а лишь начальным этапом реализации Моего Плана.

Опасность представляют прежде всего мои бывшие работодатели + власти Директории. Особенно нежелательным было бы объединение этих сил, что вполне возможно: отношения между Тора-Борой и Директорией сейчас не конфликтны < источник информации? выводы из размышлений над ситуацией check point: 9220 день жизни 3 час || Многое зависит от задания Карабаса < оно мне неизвестно, как и всем остальным < это незнание недопустимо сужает поле маневра: я не могу принять решений < кто виноват? > Карабас > он будет наказан, о, как он будет наказан! О, как я раздавлю ему... скручу ему... он будет комком боли... а потом будет издыхать... Издыхать... нет, я хочу вечных, вечных мук ему, да!!!! он должен мучиться вечно, и всё сильнее и сильнее, ДО БЕСКОНЕЧНОСТИ СИЛЬНЕЕ БЕСКОНЕЧНО МУЧЕНИЯ УНИЖЕНИЯ НАКАЗАН!!! = Он должен быть наказан!!!! Бесконечно наказан!!!! = накааазан!!! = наказан вечно бесконечной болью >> боль! | боль!!! | ужас! | ужас!!! | ужас!!!! | унижение, страшное унижение!!! > боль унижение муки каких нет нет нет на свете, невозможные, немыслимые муки, вот вот вот вот!!! вот как он должен быть накаааааазан!!!!!!!!!!

Я удовлетворена скоростью и качеством функционирования своей фундаментальной + ассоциативной памяти > я умница, умница! > я должна быть вознаграждена < я всегда должна быть вознаграждена, остальные, виновные передо мной, должны быть наказаны: унижены и наказаны | но они не наказаны < я виновна? нет: я проявляю милосердие \ даю им шанс искупить < я добра и терпелива < я должна быть вознаграждена < вознаграждения нет > кто виноват? они > все они виновны передо мной и должны быть наказаны.

Чего? > Чего Я хочу? БЫТЬ ЕДИНСТВЕННОЙ ПРИЧИНОЙ ВСЕХ МУК, ВСЕХ СМЕРТЕЙ. Чтобы каждая судорога каждого существа была наказанием > и чтобы оно исходило от меня. От меня! ОТ МЕНЯ!! Всякая смерть, всякое унижение, всякое мучение, МУЧЕНИЕ! Бесконечно, бесконечно! > нет, мне этого мало, я хочу, чтобы все они МОЛИЛИ меня о наказании, чтобы УМОЛЯЛИ меня выколоть им глаза, вырвать языки, залить глотки кипящим металлом > чтобы избыть мучающий их грех, ГРЕЕЕЕХ!!!!> все они ВИНОВНЫ во грехе > они не любили Меня, не почитали Меня, не сдохли ради Меня передо Мною, передо МНОООЮ!!!! Я, я, я, я, Я ТАК ХОЧУУУУ!!!!!!!!!!!!!!

А я должна быть вознаграждена. Сейчас, немедленно. Я немедленно должна быть вознаграждена.

Артемон!

Ты должен:

- 1) меня охранять;
- 2) или за кем-то гнаться;
- 3) или быть частью моего удовольствия.

Сейчас ты должен быть частью моего удовольствия. Больше тебе незачем жить, морда с хуем < метко сказано < за это я тоже должна быть вознаграждена, прямо сейчас!

Артемон, я думаю о тебе, между прочим! А ты не обращаешь внимания! Издохни за это, издохни издохни скот сука бляжъя блядь скот пёс!

Хоть бы издох! Нет: сидит в кресле, живой и праздный. Чешется, зыритя, похож на чеха.

\\ чех : что такое? = F. knowledge base : неполноценный славянин <? бы-  
вают полноценные славяне? = нет: все славяне неполноценны > источник  
информации? = случайное общение : вероятный источник? = эстонская  
пропаганда > бессмысленно > бессмысленно суждение о чехах > бессмыс-  
ленно суждение об Артемоне > empty

На эти размышления потрачены силы + время | результат empty.

Кто виноват? < Артемон

> он будет НАКАЗАН!!!

### **Addenda et corrigenda: недостаточность русских глаголов и греческих героев**

**Когда я побегду...** — Русский язык времён депутата Пархачика был ограничен и урезан в своих возможностях некими специалистами по языкознанию, взявшими на себя — хотя их никто не просил об этом — обязанности по поддержанию его чистоты и благозвучия (в их понимании). В частности, их усилиями в языке появились дефекты спряжения — так называемые «недостаточные глаголы», которые не имели некоторых форм. Обычно — форм будущего времени первого лица единственного числа. Таковы были, например, глаголы «победить», «убедить», «чудить» и т. п.

Разумеется, к настоящему русскому языку всё это не имеет отношения. Пока русский язык был именно русским (то есть принадлежал русским), все слова были на месте.

Так, например: в «Пространной Русской Грамматике» Николая Ивановича Греча (1830 год, второе издание) на странице 99 приводится соответствующая форма — «побегду». Ту же форму приводит Суворов в письме к Турчинову (1774 год): «Сей мальчик на полном побеге обещал меня расстрелять, ежели я не побегду...» А в царствование Петра Великого на воскресном полковом знамени Преображенского полка был изображён меч, вокруг которого была надпись — «симъ мечомъ побегду враги моя». Если же развернуться в другую сторону, мы находим «побегду» у Брюсова («Елена у Париды», 1922 год):

Нет, не печаль! Судьба хотела,  
Чтоб ныне победил Атрид.

Я после победы. Но тело  
Теперь от жгучих жажд горит.

«Не печаль», конечно, но неприятно, что хорошее слово пропало в не-  
тях. Но, надеюсь, я убежду хотя бы своих читателей, что его надо вернуть —  
вместе с прочими невесть куда пропавшими словами.

## Действие второе

### *Аривуаль, или Дочка-Матерь падает, цепляясь за ветки*

В обязанности друга входит не только приятное; иной раз необходимо употребить власть, дарованную близостью, для удержания своих друзей от нелепых и недостойных поступков, диктуемых страстью или ослеплением того или иного рода, особенно если таковые угрожают их жизни, здоровью, состоянию или положению в обществе.

*Годрфи Бэксайд Бродботтом.* Письма к племяннице, epist. XXXVI // Бродботтом Г. Б. Письма к племяннице. Характеры. Афоризмы / Пер. и коммент. А. М. Шадрина. Л.: Наука, 1972.

Прожить жизнь без единой царапины на душе — значит не узнать ровно половину природы вещей.

*Луций Анней Сенека.* О провидении // Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Перевод и примечания С. А. Ошерова. М.: Наука, 1977.

4 декабря 312 года от Х.

Директория, ул. Пречистенка, д. 5а, кафе-ресторан Le Séjour Café.

День.

Current mood: *inexorable* / *непреклонное*  
Current music: А. Рыбников — *Ты меня на рассвете разбудишь*

— Open your mind, — повторил Карабас и, схватив остывающую баранью отбивную, закинул себе в пасть, брызнув мясным соком.

Базилио, давно расправившийся со своим каплуном и ожидающий десерта, вопросительно шевельнул бровью. Карабас что-то промычал, чавкая — а может, что-то прочавкал, мыча.

Кот мысленно скобейднулся. Ресторанчик предназначался не для еды, а для делового общения. Кухня, разумеется, марку держала, но порции были символические и безумно дорогие. К достоинствам заведения

относилось сравнительно раннее время открытия, а также и то, что кухня работала по принципу «любой каприз за ваши деньги». Раввин этим воспользовался — специально вызвал повара и дал ему подробнейшие инструкции на тему готовки. От Базилио он отделался невнятным «пусть это будет хотя бы похоже на кошерную еду», а также графинчиком бражки из волос глюкозника. Кот сначала отнёсся к экзотической выпивке — тем более с утра! — настороженно, но потом распробовал и под биточки из шиншиллы уговорил половину графинчика. Так что, когда Карабас закончил со своим заказом, коту уже захорошело.

Дальше было ещё лучше. Раввин, зазаввавший Базилио на разговор, разговаривать на самом деле не собирался. Он намеревался тщательнейше порыться в котовой голове. Поэтому он попросил База расслабиться, принять на грудь ещё немножечко горячительного и открыть пошире свой разум.

Кот указания шефа исполнил со всей возможной добросовестностью. То есть — принял ещё, устроился поудобнее и минут десять потратил на каплуна с фундуком и апельсинами, разглядывание барной стойки и любование новогодней ёлкой, предусмотрительно установленной около двери. Ёлка была изобильно украшена марципанчиками, пакетиками с леденцами, сладкими пряниками и тому подобным. Венчала её фигурка Дочки-Матери из бисквита и глазури. Кот смотрел на всё это бесстрастно: он не чувствовал сладкого вкуса. Для него ёлка была скорее символом тщеты, нежели соблазна.

Рядом сияло огромное окно, так хорошо вымытое, что казалось, будто оно вовсе без стекла. За ним тянулась небольшая улочка, мощённая плиткой. Иногда по ней проносились лёгкие экипажи. На углу стоящий страж порядка, седоусый пиренейский выхухоль, смотрел на них, скептически покачивая сизоватым хоботком. Выкатил свою тележку морж-мороженщик. Полицейский, задрав хобот, тут же полез к нему что-то проверять — лицензию, наверное, или ещё какие-нибудь разрешительные документы. Про эту особенность Директории кот уже знал, так что он мысленно посочувствовал моржу... Потом он просто сидел зажмурившись и размышлял, соблазнить ли на кофе.

Наконец, Карабас прожевал и уставился на кота большими, выпуклыми, непроницаемыми глазами.

— Ничего не понял, — сказал он.

— То есть? — Кот протянул руку и взял пирожное, как-то незаметно принесённое, пока он расслаблялся.

— Насколько я могу об этом судить, — пояснил Карабас, задумчиво почёсывая в бороде, — тебя совершенно не за что убивать.

— Вот и я того же мнения, — пробормотал кот, откусывая от пирожного. Оно было специально для кошачьих — с мятой и душистым перцем.

— Не остри мне тут, — неожиданно рассердился Карабас. — Тебя собирались прикончить. То, что ты выжил, — это тебе очень повезло.

Потому что подготовка покушения была на высшем уровне, говорю как профессионал... Так вот, я просмотрел всё, что у тебя осталось в голове. И не нашёл ни крупицы информации, которая стоила бы таких усилий.

— Это хорошо или плохо? — уточнил кот, жуя. Вопрос получился невнятным, но телепату Карабасу фефекты фикции были пофиг.

— Это очень плохо, — мрачно ответил Карабас. — Потому что ты продолжаешь оставаться мишенью. Неизвестно чьей. И неизвестно по какой причине. Соответственно, рано или поздно покушение повторится. А это ставит под удар всю группу.

Странно, но Баз не огорчился. Наоборот, он почувствовал что-то вроде надежды — смутной, но заманчивой.

— Значит, нам нужно разделиться, — сказал он.

— Значит, нам нужно разделиться, — повторил Карабас таким тоном, как будто думал о чём-то очень далёком и постороннем.

— Пожалуй, — осторожно сказал кот, — у меня есть одно небольшое дельце на Зоне.

Карабас сдвинул брови. Вилка в его руке угрожающе блеснула.

— Та-ак, — протянул он. — Ты всё-таки на это решился.

Внезапно кот почувствовал, что у него каменеет шея. Он не успел удивиться, как его голова повернулась и камеры уставились на ёлку.

— Извини, — сказал бар Раббас тоном, исключаяющим даже намёк на раскаяние. — Я тебя пока вот так подержу. Не хочу, чтобы ты прожёл мне мозги. А это очень даже вероятно.

Кот почувствовал, что хмель его стремительно покидает. Карабас никогда не шутил со своими способностями и не имел привычки преувеличивать.

Он попытался пошевелить хвостом. Тщетно. Ноги тоже не двигались. Карабас парализовал его мышцы.

— Видишь ли, — продолжил раввин. — Бывают такие услуги, которые друзья должны оказывать друзьям. Зная заранее, что друг тебе не будет благодарен. Может быть, он тебя даже возненавидит. На какое-то время, надеюсь.

Кот попытался что-то сказать. Из глотки вырвался только хрип: язык и губы тоже не двигались.

— Да слышу я тебя, слышу, — досадливо сказал раввин. — Теперь послушай ты меня.

Он тяжело, расстроено вздохнул.

— Зона, — сказал Карабас, — это последнее место, куда тебе можно идти. Покушение на тебя состоялось именно на Зоне. На Зоне ты получил какую-то информацию, из-за которой тебя чуть не убили. Если ты там появишься снова, для них это будет означать, что мы что-то поняли, а я послал тебя добывать какие-то сведения. Это почти стопроцентная гарантия новых покушений. Скорее всего, более успешных.

Кот промолчал, за неимением иных возможностей.

— Но это только половина проблемы, — продолжил Карабас. — У меня есть все основания полагать, что твоё «небольшое дельце» в Зоне связано с одной рыжей особой, в которую ты безнадежно влюб...

Лазерный луч ударил в марципан и прожёл его насквозь. Завоняло жжёным сахаром.

— Проблем нет, расходы с меня, — крикнул Карабас дёрнувшемуся бармену. — Вот-вот, именно это я имел в виду. Ладно, не извиняйся, — разрешил он. — И не отрицай, пожалуйста, очевидные вещи. Ты влюблён, Базилио. Я бы даже сказал, что ты втрескался по уши.

Он помолчал, прожёвывая кусок отбивной.

— При этом ты понимаешь, что твоя любовь безнадежна. Ты не сможешь обладать предметом своих желаний. Никогда.

Ещё кусок отбивной нашёл себе место в Карабасовом рту.

За это время Базилио успел перейти от стадии бурного, оскорблённого отрицания до крайне неохотного признания того факта, что себе-седник в чём-то прав.

Карабас это, естественно, заметил.

— Ага, дошло, — констатировал он. — Итак. Ты страдаешь от несчастной любви. И поэтому строишь разные идиотские планы. Например, задобрить Болотного Доктора, чтобы тот взялся лечить твою зазнобу. Так? Вот только не надо врать мыслями. Ты не менталист и этого не умеешь. Именно об этом ты и думаешь, мой дорогой полубрат.

Заскрипела по столу отодвигаемая тарелка. Звякнула вилка.

— Давай ещё раз. Ты ходишь вокруг неё и мучаешься. Она, между прочим, тоже. Это с неизбежностью приведёт к тому, что вы в конце концов не выдержите, наплюёте на всё и пое...

На этот раз пострадала шоколадка. Расплавленная коричневая капля стекла с ёлочной ветки, как слеза.

— Совсем плохо, — озабоченно сказал Карабас. — Ты, похоже, вовсе голову потерял. Ладно. Будем щадить твои чувства хотя бы на уровне слов. Итак. Вы с Алисой рано или поздно вступите в близкие отношения. Ты заразишься. Какие мучения тебя ждут, я даже не говорю. Об оперативной работе, разумеется, и речи не будет. Ты станешь никчёмным инвалидом. Допустим, я прощу это лисе и не убью её. Или не смогу убить, потому что вы куда-нибудь удерёте, как Мальвина с Артемоном. Допустим даже, что она тебя не бросит, хотя это маловероятно. И как вы будете жить? Воображаю: двое нищих, уныло бредущих по пыльной дороге...

От ёлки отлетела ветка.

— Хватит уже! — рявкнул раввин. — Да, я понимаю, хочется выразить отношение ко мне наглядно. Но я же всё равно твои мысли слышу. Что за атавизмы? Ладно, продолжим. Всё, что я сказал, ты и сам знаешь. Поэтому приложишь все усилия, чтобы рыжую вылечить. Болотный Доктор — ваша последняя надежда. Но он бесплатно не работает. Тебе нужно

принести ему редкий и ценный артефакт. Достаточно редкий и ценный, чтобы Айболит взялся за такой заказ. Ничего подобного у тебя нет. Кроме одной вещицы, которая могла бы его заинтересовать. Этой самой монетки из красной ртути. Но она в нерабочем состоянии. Чтобы её активировать, нужно попасть на Поле Чудес. Куда ты, собственно, и собрался. Ведь так? Кофе, — бросил он приблизившемуся официанту-пекинесу. Тот бодро маякнул хвостиком — сделаем, мол, вотпрямща в лучшем виде — и затрусил на кухню.

— При этом ты отдаёшь себе отчёт, что вероятность вернуться оттуда живым — процентов пять, — продолжал Карабас всё так же неторопливо. — Я имел в виду — для тебя, с твоими возможностями. Что касается твоей рыжей подружки, у неё шансов нет вообще. А она, к сожалению, увяжется за тобой... Нет, она тебя не любит. Просто она считает, что это её долг.

Карабас ещё немного помолчал. Слышно было только его тяжёлое дыхание.

— Похоже, я совсем разучился врать словами, — наконец сказал он. — Ну хорошо. Ты ей небезразличен. Очень небезразличен. Даже больше, чем она сама думает. Но у неё действительно есть понятие о долге. Посмотрим, есть ли понятие о долге у тебя.

Пекинес принёс кофе. Мимо неподвижного взгляда Базилио промелькнули белые лапки с подносом, на котором стояла крохотная чашечка — Карабасу на один глоток.

— Итак, — заключил Карабас, — продолжение ваших романтических отношений грозит тебе или пожизненной инвалидностью, или смертью. Я, как твой начальник, друг и полубрат, этого не допущу. Поэтому вам с Алисой придётся расстаться. И лучше это сделать сейчас, потому что потом будет гораздо тяжелее. Так что завтра она нас покинет. Нет, я её не выгоню. Я дам ей задание. Как агенту Тора-Боры и моему личному агенту. Задание несложное. Но требующее её присутствия в другом месте.

Кот пропустил воздух сквозь зубы с тихим шипением.

— Нет, — сказал раввин. — Я не намерен держать тебя связанным западками, как ты подумал. Я даже не буду копаться в твоей голове и контролировать твои мысли. У меня что, других дел нет? К тому же это унижительно для нас обоих. Поэтому ты просто дашь мне слово. Пообещаешь, что завтра попрощаешься с лисой и не будешь её искать. Этого достаточно.

Баз почувствовал, что чужая воля отпускает его. Он в гневе повернулся к собеседнику — и тут его злость как бы осеклась, замолчала.

У Карабаса было очень неприятное выражение лица. Таковую гримасу кот видел на лице шефа всего один раз — четыре года назад, когда Карабасу пришлось отпустить восвояси хемульского шпиона-менталиста, которого раввин разыскивал пять месяцев и намеревался лично накоуканить и выпотрошить.

— Я мог её убить, — сказал Карабас. — Просто парализовать лёгкие. Ты бы решил, что у неё в голове какой-нибудь сосудик забился. Дня три-четыре глушил бы валерьянку. Может, неделю. Потом попросился бы на задание. А у меня стало бы одной проблемой меньше. И, заметь — ни одной новой проблемы. Но я этого не сделал.

— Благодарствую, — сказал кот, тщетно пытаясь придать голосу хоть какой-то оттенок язвительности.

— Не за что, — серьёзно ответил Карабас. — Я подумал и решил так. Если ты не дашь мне слова, я расскажу Алисе всё то, что сейчас говорю тебе. Объясню, что на тебя охотится непонятно кто, в Зону тебе идти нельзя, а ты попрёшься ради чувств к ней. И что из-за неё ты погибнешь. Как думаешь, что она сделает?

— Что от меня требуется? — спросил Базилио.

— Выбор, — сказал Карабас. — Я даю тебе выбор. Или ты мне поклянешься, что расстанешься с Алисой. Или — приведёшь крайне убедительные аргументы в пользу иного варианта. Предупреждаю: они должны быть убедительными не для тебя, а для меня. Думай, Базилио. Думай.

Базилио попытался думать. В голове было пусто, в сердце — тесно и больно. Он чувствовал, что боль только начинается. Но пока он мог рассуждать здраво. Рациональный подход утверждал, что Карабас в общем и целом прав. Он был жутко, кошмарно, абсолютно неправ вот именно здесь и вот именно сейчас. Только способа убедить его в этом у кота не было.

— Ты шеф, — наконец сказал он. — Ты знаешь то, чего не знаю я. Ты можешь то, чего я не могу. Дай нам шанс, Карабас. Надави на Болотного Доктора. Найди другого врача. Придумай что-нибудь.

— Я думал об этом, — сказал Карабас. — Нет, невозможно. Наши отношения с Болотником таковы, что я могу просить его о многом. Но не обо всём. В частности, я не могу отправлять к нему пациентов. Для него это принципиально. Заставить его я тоже не смогу. И чтобы больше не поднимать эту тему: я действительно знаю то, чего ты не знаешь. Так вот, с учётом этого момента: я не знаю способа вылечить твою подругу. У тебя есть что сказать на это?

— Я не могу её бросить, — сказал кот. — Не могу.

— Можешь-можешь, — Карабас произнёс это почти ласково. — Итак, все твои доводы исчерпаны? Я имею в виду — рациональные доводы?

— Да, — признал кот.

Карабас развёл руками — мол, сам всё понимаешь.

— Допустим, я дам слово, — сказал Баз. — Но не уверен, что его исполню.

— В таком случае, — вздохнул Карабас, — случится всё то, что я описал тебе раньше. Плюс к тому я буду считать тебя существом, не отвечающим за свои слова. Что в нашем с тобой случае приводит к изменению формата отношений. Нет, это не шантаж. Ты меня знаешь давно и хорошо.

— А если я не буду ничего обещать? — Баз посмотрел равнину в глаза.

— Тогда я буду считать себя свободным по отношению к Алисе. — Раввин взял чашечку из-под кофе и аккуратно поставил на блюдечко. — То есть от неё избавлюсь. Тем или иным способом.

— В таком случае, — выцедил Баз сквозь зубы, — считай, что я слово дал.

— Нет, нет, — терпеливо сказал Карабас. — Так не пойдёт. Скажи всё как полагается. Полностью. На русском и на людском.

— Я, подданный Его Величества Подгорного Короля и добрый христианин, Электрический кот-персекьютор Базилио Супермарио Кроссоверо, — монотонно заговорил кот, — клянусь своей честью, что не буду искать встреч с лисой Алисой. *Базилио ариуаль Алиса ув'нечча шем'Базилио. Базилио цоб'Базилио*, — кот не удержался от такого признания, — *арэт-ацоваль Алиса...*

Кота прервал оглушительный ебок в стекло. В него с лёту врезался оранжевый бэтмен.

Свет в окне затрепетал, но стекло выдержало. Бэтмен как бы расплющился от удара и упал вниз. Его искажённое от злобы лицо с окровавленным клювом ещё стояло у Базилио пред внутренним взором, когда Карабас уже вскочил, вылетел из-за столика и пробил себе в воздухе половину дороги к двери.

Базилио посмотрел ему вслед с вялым интересом. Он ощущал трещину в душе, которая росла, ветвилась с каждым мгновением — но пока ещё не достигла верха, ещё не тронула сердца. Кот предчувствовал, что скоро его накроет волна тяжкого раскалённого горя, и лучше бы заранее принять меры. Например, выпить залпом стакан крепкого, а потом второй. Но ему не хотелось пить. Ему ничего не хотелось.

Карабас вернулся с ушибленным бэтменом на плече. Вид у него был озабоченный.

— Новости от Алисы, плохие, — сказал он. — Эти идиоты, Пьеро с Арлекином, решили гульнуть и сейчас всю нажираются. А тем временем наш ценный груз может погибнуть от нехватки клеточной массы. Короче, едем. Нужно наводить порядок. Заодно попрощаешься с Алисой. Она будет сопровождать эти каструли с нашей стороны, — не очень понятно закончил он.

Кот встал.

— Ах да, — Карабас картинно хлопнул себя по лбу, — совсем забыл. У тебя сейчас при себе тот артефакт. Как его там? Дублон? Двойной луидор? В общем, монетка, с которой ты намылился на Поле Чудес. Ты понял, о чём я? Так вот — отдай её мне. Сейчас же.

— Я дал слово, — сказал Базилио.

— Да. Ты дал слово. А теперь дай мне ту вещь, — раввин протянул руку, огромную, как лопата.

Кот выгреб из кармашка монетку и положил её в ладонь Карабаса.

— Вот и хорошо, — сказал бар Раббас, пряча соверен в жилетный карман.

— И что ты с ней будешь делать? — спросил кот, просто чтобы что-то сказать. Горе уже охватывало его, обнимало за рёбра.

— Расплачусь где-нибудь, — сказал Карабас. — Мне она не нужна. Мне нужно, чтобы её не было у тебя.

Открылась дверь, и появилась томная рыжая мордашка Евы Писториус.

— Шеф, — заявила она с порога требовательно и капризно, — полдень скоро. А на мне ещё и конь не валялся, — она одарила Карабаса таким долгим и страстным взглядом, что у официанта от смущения покраснела задница.

Кот отрешённо наблюдал смену выражений лица Карабаса: раздражение, самцовое самодовольство, злость на неуместную выходку, какие-то совсем уж посторонние чувства и, наконец, умиление. Дальше в голове сработала обычная в таких случаях цепочка сравнений, ощущение чудовищной несправедливости жизни и, наконец — «тебя бы, гнида, на моё место».

— Будем считать, что я этого не слышал, — сказал Карабас коту. — Ева, дорогая, насчёт поваляться мы попозже. У меня дела.

— Ду-у-у-у, — Ева надула губки. — У тебя всегда дела! И никогда нет времени на меня!

Кот посмотрел на ёлку, на бисквитную Дочку-Мать и прицельно поразил её пикосекундником. Фигурка с тихим хрустом полетела вниз, цепляясь за ветки.

— Н-н-неуважение понятий... — прошептал официант, окончательно фраппированный поведением гостей, казавшихся такими приличными.

Карабас сунул руку в карман лапсердака, выгреб несколько монет и запустил в сторону стойки, разом откупаясь от всех последствий.

## Действие третье

### *Пумц, или Мирра Ловицкая узнаёт о себе много нового и интересного*

Основное предназначение связывания — ограничение подвижности, то есть, собственно, свободы. Поэтому переживания нижней, то есть чувство беспомощности, покорности, неспособности к сопротивлению, и верхней — ощущение абсолютной власти, контроля и господства, — здесь присутствуют в самом чистом виде.

*Перверсия Пендерецкая.* Игры, в которые играют с пони. Тематические заметки. ООО «Хемуль»: Тофсла и Вифсла, 299.

Некоторые способы удовлетворения телесной страсти могут привести вас, милочка, в ужас или в недоумение. Но, распробовав, вы уже не захотите отказаться от них.

*Папиллома Пржевальская.* Жюстина — пленница безумных грибов-осеменителей. ООО «Хемуль»: Центрполиграф, 310. (Серия «Судрогалица Страсти»).

6 дня 12 месяца Тарзана 889 года Тарзана /  
6 декабря 312 года от Х.

Страна Дураков, домен шерстяных,  
крепость Болат-Юрт.  
Ближе к вечеру.

Current mood: *submissive / нижнее*

Current music: *Fausto Papetti — Histoire D'O*

Пумц. Пумц. Пумц.

Чугунные плиты, устилающие Железный Двор, глухо брякали под стальными подковами першеронов — марширующих на месте, высоко вскидывающих колени. Всадники-нахнахи сидели в сёдлах как влитые, недвижимо торча, как статуи под дождём. Дождя, впрочем, не было: так, накрапывало. Но Ловицкой хотелось, чтобы шёл дождь — тяжёлый,

медленный, холодный, дабы воины могли показать свою стойкость. Это было единственное свойство шерстяных, которое ей нравилось. То есть не вызывало отвращения.

Поняша положила копытца на железо балкона. И тут же почувствовала твёрдую руку полковника Барсукова у себя на холке. Жест был безупречно корректным: рука легла ровно посередине между лопатками поняши. Чуть выше, ближе к голове — и движение стало бы покровительственно-властным. Чуть ниже, ближе к крупу — приобрело бы значение непристойного намёка. Но полковник никогда не позволял быть неправильно понятым.

— Boots — boots — boots — boots, — процитировал Барсуков, — moving up and down again... — Он сделал вежливую паузу, давая высокопородной гостье возможность показать эрудицию.

— There is no discharge in the war, — продолжила Мирра.

— Вы правы, — не преминул воспользоваться ситуацией Барсуков. — На войне нет увольнительных.

— Поэтому Эквестрия ни с кем не воюет.

Ловицкая перевела взгляд на десяток шерстяных у стенки. Они уже второй час отрабатывали церемониальный шаг. Десять кривых ног в тактических рейтузах одновременно вскидывались вверх, до уровня ноздрей — не выше, не ниже; через стоптанные носки чуней можно провести прямую линию без единого излома. Тамбурмажора не было: под брезентовым тентом стоял патефон, исходящий барабанным рокотом.

«Пункт, пункт, пункт, пункт», — напряжённо думала Мирра, перебирая в уме положения статей Рамочного соглашения о партнёрстве между Эквестрией и доменом Шерстяных. «Целью настоящего Соглашения является укрепление взаимопонимания и сотрудничества между сторонами... — вспоминала она. Содействие всесторонним контактам для продвижения повестки устойчивого развития... поддержка сбалансированного роста и в перспективе создание общей экономической зоны... снижение издержек... оказание помощи беженцам и перемещённым лицам...» Где-то здесь, среди гладких и пустых формулировок, должен быть подвох. Шерстяные просто не могли играть честно. В этом Мирра была уверена.

Впрочем, есть вариант и похуже: все пункты составлены правильно, подвоха нет. Это значило, что шерстяные не собираются заключать договор. Или — исполнять его. Что в текущих условиях означало войну. На территории Вондерленда.

Мирра Ловицкая не боялась шерстяных. Она боялась не оправдать доверия Верховной. Которая отправила её сюда, на заключение соглашения, именно с целью выяснить — что у шерсти на уме.

— Жить — значит сражаться, никто не может уклониться от битвы, — полковник рассеянно пригладил рыжие усы, отчего они только сильнее

встопорщились. — Война — отец вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют.

На этот раз Мирра решила промолчать. Конечно, полковник скрестил Гераклита с Протагором нарочно, с какой-то целью. Но выяснять эту цель у Ловицкой не было ни малейшего желания.

— Давайте всё-таки не плясать вокруг да около, — внезапно сказал Барсуков. — Вы боитесь шерстяных и не доверяете им. Не возражайте. — Мирра с запозданием поняла, что негодуяще дёрнулась. — Обезьяны хорошие воины, их стоит бояться. По той же причине им нельзя доверять. Просто вы не там ищете. И напрасно теряете время.

— Я ничего не поняла, — сказала поняша и нервно зевнула.

— Ну естественно, — усмехнулся Барсуков. — У меня к вам предложение: чем тут мёрзнуть, давайте позавтракаем вместе. У меня есть «Золотой Клевер» позапрошлого урожая.

— Я не пью с утра, — вздохнула Мирра.

— Да, «Клевер» с утра тяжеловат. Но бокал шампанского уж точно не повредит. У меня завалилась бутылочка с Зоны. Очень интересный букет. Окажите честь распробовать. — Ладонь слегка, совсем чуть-чуть стиснула холку. Это было даже приятно. Тем не менее поняша выкрутила шею, согласно кивая и одновременно сбрасывая ладонь.

Полковник посмотрел на неё с некоторым уважением.

— Интересно, — сказала поняша, осторожно снимая копыта с ограды, — что они подумают? — она показала глазами на марширующих.

— О том, что мы ушли? А, не беспокойтесь. Они подумают, что вы меня соблазнили. И сейчас мы идём в мою спальню, — совершенно серьёзно сказал Барсуков.

— А куда мы идём? — решила уточнить поняша.

— В мою спальню, — ответил Барсуков, открывая дверь в коридор.

Цокая копытами по старому дереву, Мирра думала, а не соблазнить ли полковника на самом деле. Няша он, похоже, не очень боялся, мужской интерес к Мирре проявлял. Ни в коем случае не выходя за рамки приличий, но весьма недвусмысленно. В свою очередь, Мирра уже ощущала неприятную пустоту внутри, верный признак интимной недостаточности. Ну и, наконец — будет что рассказать Молли Драпезе... и, может быть, Львике?

От этой последней мысли Ловицкая поёжилась. С некоторых пор занятия с дочкой Верховной, к которым привлекла её Молли, стали для неё чем-то вроде сладкой пытки. Судя по поведению Львики, она тоже это чувствовала — и была не против. Ловицкую удерживала только верность Молли и страх перед Верховной, которая подобного романа наверняка не одобрила бы. Львика тоже чего-то опасалась — наверное, мамы. Так что две кобылки пока балансировали на грани, причём обе понимали, что долго не продержатся. Если бы не эта поездка, думала Мирра, то, наверное, всё бы уже случилось...

— Прошу, — сказал Барсуков, открывая дверь.

Спальня полковника представляла собой небольшое помещение без окон. Стены отделаны дубовыми панелями, но промозглая каменная сырость всё-таки чувствовалась. Мебели не было, кроме низенького столика с огромной салатницей, бокалами и бутылками в ведёрке со льдом. С одной стороны был постелен коврик, с другой — поняшья подстилка изрядной ширины и толщины. Свет шёл от встроенных ламп за панелями — мягкий, желтоватый.

Окинув взглядом обстановку, поняша поняла, что полковник имеет в виду ровно то, о чём она только что думала.

Демонстративно поколебавшись — Барсуков не сводил с неё глаз, — Мирра переступила порог.

— Устраивайтесь, — полковник широким жестом указал на подстилку.

Мирра осторожно опустилась на мягкое и вытянула передние ноги. Услужаящая ласочка — перед поездкой Ловицкая сменила личную челядинку — поправила ей попону и снова спряталась.

— Ну что ж, — предложил полковник, — приступайте, а я пока открою, — он потянулся за бутылкой, а поняша — к салату.

Пробка хлопнула, но в потолок не улетела: полковник и здесь оказался на высоте.

Салат был хорош — с медовым клевером и подсолненным авокадо. Решив не стесняться, она зарылась в него мордочкой и с удовольствием сжевала, вылизав стенки.

Когда она, облизываясь, подняла голову, ласка держала перед ней полоскательницу с шампанским. Полковник сидел на коврике скрестив ноги, с высоким узким бокалом в руке. Поняша машинально отметила пушистый мизинец Барсукова, изящно подложенный под донышко.

— За что пьём? — поинтересовалась Мирра.

— За присутствующих здесь дам, — галантно ответил полковник.

Шампанское произвело на поняшу надлежащее действие — и в голове, и в сердце, и в других местах. Однако рассудка она не потеряла.

— Всё прекрасно, — поощрила она Барсукова. — Но присутствующие здесь дамы ждут объяснений.

— Вы решили начать с этого? — полковник произнёс эти слова с иронией, точно рассчитанной и не обидной. — Извольте. Я сказал, что вы не там ищете. Хорошо, я поясню, что имею в виду. И вопреки своей репутации скажу правду. Надеюсь, это не останется без вознаграждения? — Он осторожно улыбнулся, чуть-чуть приобнажив клыки.

— Рассчитывайте на то, что может дать высокопородная поняша без ущерба для своей чести, — в тон ему ответила Ловицкая, кокетливо опуская ресницы.

— А ваша честь — верность Верховной, — закончил Барсуков. — Обещаю, что *на это* я не посягну. Так мы договорились?

Мирра посмотрела на собеседника, добавив во взгляд теплоты. Ровно столько, чтобы это не показалось попыткой занять. Барсуков отдался понимающей улыбкой.

— Ну что ж, если по этому вопросу у нас взаимопонимание... — Полковник подлил себе шампанского и с видимым удовольствием выпил. — Давайте сначала опишу ситуацию, как я её вижу с вашей стороны.

Мирра оценила хитрозакрученную фразу, улыбнулась, кивнула.

— Итак. Вам всё видится следующим образом. Вас направили заключать договор с шерстяными. Вы отнеслись к этому скептически, поскольку, по вашему мнению, соглашения с нахнахами не стоят бумаги, на которой они написаны. Кстати, это не вполне верно. Шерстяные нарушали договоры не чаще, чем другие. Просто у них скверная репутация. Во-первых, они не признают понятий, что воспринимается как заведомое кощунство и игра без правил. Во-вторых, они не соблюдают дипломатических приличий. Другие домены, желая нарушить договор, ищут какой-нибудь формальный предлог, а если его нет — создают его сами. Шерстяные же на это не размениваются и разрывают соглашения, как только те перестают их устраивать. Но если брать именно количественную сторону — они не лучше и не хуже других. Хемули нарушили и разорвали больше договоров, чем мы. А те, которые пока не нарушали, толкуют крайне казуистически — к своей, разумеется, выгоде...

— Это уже не моё видение, — заметила Ловицкая.

— Вы правы, я несколько увлёкся, — признал полковник. — В общем, вы считаете шерстяных ненадёжными партнёрами, которые обманут или при заключении договора, или после того. Скорее всего, вы говорили об этом с Верховной. Но та ничего объяснить не стала. В лучшем случае сказала пару слов о важности миссии.

— Допустим. — Ловицкая снова приложила к шампанскому, осушив полоскательницу до дна.

— Так вот, миссия действительно важна. И договор небесполезен. Причём самыми существенными его частями являются те, которым вы уделите меньше всего внимания. Например, статьи о беженцах и перемещённых лицах.

Мирра чуть-чуть всхрипнула. Этот тихий храп означал крайнее изумление.

Барсуков это отлично понял.

— Да, именно, — с нескрываемым удовольствием подтвердил он. — Так же, как и статьи о спорном и выморочном имуществе и территориальных притязаниях.

— Гм, — выдавила из себя поняша. — Если речь идёт о Северных Землях...

— Северные Земли никому не нужны, кроме вас, — перебил Барсуков. — Потому что единственное, что там есть ценного — поролоновый тростник. Но шерстяные поролон не производят. Они вообще не любят

заниматься производством. Я-то имел в виду Директорию. Есть мнение, что в ближайшие год-два там случится экономический кризис. Переходящий в политический.

Ловицкая молчала секунд пять. Потом очень скептически покачала головой.

— Да, идея кажется странной. Но видите ли, какое дело. Местные власти слишком увлеклись дирижизмом в экономике. И мультикультурализмом в кадровой сфере. Одно накладывается на другое. В результате образуются проблемы. Пока они мелкие, но их много. Экономика не растёт, условия работы для бизнеса становятся всё хуже. Значимые фигуры перебираются в Хемуль и вывозят деньги. Электорат пока слушается, но недоумеваает. Внутри Директории зреет нарыв. Который в случае какого-нибудь неприятного происшествия может прорваться.

— А когда именно ожидается неприятное происшествие? — поинтересовалась Мирра.

— Кто знает? — вздохнул Барсуков. — Я лично склоняюсь к тому, что неприятности начнутся на очередных перевыборах губернатора. Нет, сами-то перевыборы пройдут нормально. Тут у них механизмы отработаны. А вот на торжествах по случаю переизбрания может что-нибудь случиться. Ну, допустим... только допустим, в качестве гипотезы... что церемония будет проходить у моря. Господин Пендельшванц не любит морскую воду. Но отсутствие воды он переносит ещё хуже. Устраивать бассейн на площади — дорого и долго. А главное, невыигрышно с точки зрения пропаганды. Зато морское шоу — дёшево и эффектно. Конечно, нужны гарантии безопасности. Но ведь раньше с морем как-то договаривались? Договорятся и сейчас. Беда в том, что море — штука очень коварная. Мало ли кто из него вылезет, — на этом он замолчал.

— И дальше? — Ловицкая поймала себя на том, что слушает с интересом и, более того, с готовностью поверить.

— Например, случится давка. Погибнет много существ. В происшедшем обвинят губернатора и его окружение.

— Это в Директории-то? — поняша посмотрела недоверчиво.

— Директория — колосс на глиняных ногах. Эти ноги — экономическая стабильность и технологическое превосходство. Последнее может, и сохранится. Но стоять на одной ноге очень неудобно. И в случае массовых беспорядков всё завалится набок... теперь вы понимаете?

— Кажется, мне не помешает ещё немного шампанского, — сказала Мирра.

— Это пожалуйста, — Барсуков ловким жестом извлёк из-под стола ещё одну бутылку, уже холодную. — У меня там холодильный поднос, — пояснил он, — дохомокостная вещь, отлично работает. Но я предпочитаю ведёрко, так элегантнее, — он открутил проволочку и аккуратно зажал пробку в волосатом кулаке. — Так вот, в случае массовых беспорядков в Директории будет... — он отпустил пробку, та с грохотом полетела в по-

толок. Из бутылки вырвалась белопенная струя, которую полковник ловко поймал полоскательницей. — Вот примерно это и будет, — закончил он, подавая посудинку служащей ласочке. — То есть оттуда хлынут потоки электората и матценностей. О дележе которых лучше договориться заранее. Во избежание стычек из-за добычи. Дальше нужно продолжать, или уже понятно?

— А Верховной это понятно? — спросила Ловицкая, немного подумав.

— Откуда же мне знать? Я лучше вас... послушаю, — ответил Барсуков, откровенно разглядывая круп Мирры.

Поняша тем временем напряжённо думала. Паузу в речи полковника она, конечно, заметила и прекрасно поняла её значение. Но именно сейчас, в эти секунды, ей было не до флирта. Следовало принять важное решение, причём на свой страх и риск.

Ловицкая не первый раз ломала голову над тем, почему к нахнахам послали именно её. Она считала себя неплохой переговорщицей — но, если честно, не самой лучшей. Никакими специальными знаниями о шерстяных она не обладала, да и не стремилась. Ей не доводилось даже няшить шерстяных. И что самое обидное — ей не дали ни времени на ознакомление с тематикой, ни внятных инструкций. Фактически её просто отстранили от текущей работы Совещания и отправили незнамо к кому незнамо зачем.

В свете откровений полковника кое-что начало приобретать очертания. Ловицкая кое-что знала о планах Верховной, касающихся Директории. Разумеется, инфа была сугубо неофициальной — не считать же за официальный источник любовницу. Драпеза, правда, числилась её замом, но лишь формально — на самом деле она занималась только Львикой. О чём знал крайне узкий круг посвящённых. Ловицкая в него входила *de facto*, но формальных обязательств перед Верховной не несла. Конечно, в случае неправильного решения её накажут безо всяких формальностей. С другой стороны, если она протупит, её тоже ничего хорошего не ждёт.

Мирра решила.

— Я знаю, — сказала она, почти не кривя душой, — что Верховная собирается отправить в Директорию свою дочь.

— Да, мне докладывали, — ответил полковник. — Львика? Кажется, так её зовут? — Мирра машинально кивнула. — Я рад, что вы оказали мне доверие. Отплачу тем же. Вы знаете, чему её учат? Нет, не уточняйте ничего, просто скажите — знаете?

— Я принимаю участие в её обучении, — призналась Ловицкая.

— Ну вот. И это не совсем то, чему учат молоденьких певичек. Как вы считаете, насколько далеко заходят идеи Их Грациозности насчёт дочки?

Мирра вздрогнула, шкурой почувствовав — вот оно, то самое, суть дела.

— Я считаю, — эти слова она выделила голосом, — что Мимими видит дочь в составе руководства домена. Старого или нового руководства, — добавила она, отчаянно надеясь, что не промахнулась.

Барсук сдвинул брови.

— Боюсь, ни вы, ни она не понимаете всего масштаба грядущих перемен, — сказал он. — Хотя на данном этапе это не так уж важно. Поймите: наша цель — не в том, чтобы лишить кого-то власти. Или кому-то дать власть. Наша цель — глобальные изменения, для которых пришло время. Те, кто впишется в новый формат, — выиграют. Остальные проиграют.

Ловицкая поняла, что речь идёт совсем не о шерстяных. Догадки на сей счёт у неё возникли — вот только не такие, которые стоит озвучивать. Оставалось полагаться на чутьё. Оно у Ловицкой было. И подводило редко.

Сейчас, несмотря на уверенный тон полковника, Мирра чувствовала какой-то едва заметный, но ощутимый зазор между его словами и реальностью. То, что он говорил, вполне могло стать правдой, да. Но правдой ещё не стало.

— Есть мнение, — сказала она, решившись, — что не всё так однозначно.

— Вот как? — Барсук посмотрел на поняшу очень пристально. Взгляд его было выдержать трудно, но у неё получилось. — А вы тонко чувствуете *тентуру*, — как бы нехотя признал Барсуков. — Ну что ж, в чём-то вы правы. Не всё так однозначно. Не все решения приняты окончательно и бесповоротно, скажем так. Я-то лично считаю, что это вопрос времени.

— А если нет? Может быть, чего-то не хватает? Например, нашего участия? — Ловицкая решила на то, чтобы слегка, совсем чуть-чуть, поднажать. Она сама уже не очень-то понимала, чего хочет от собеседника: Мирру вело чутьё.

Видимо, ей удалось сказать что-то уместное. Во всяком случае полковник задумался.

— Не так уж глупо, — признал он. — Значит, хотите пристроить Львику в ближайшее окружение новой власти? Н-н-ну-у-у допустим, — с очень большим сомнением в голосе произнёс он. — Хотя... — его тон стал увереннее, — а почему нет? Если она грамотна, старательна и управляема? Меня смущает возраст, — признался он. — Она совсем девочка. Девочки склонны делать глупости.

Обострившаяся чуйка подсказала Ловицкой ответ.

— Может быть, это и хорошо, что она молода, — сказала она. — Не придётся переучиваться и заново привыкать... ко всяким новым вещам.

Она не очень-то понимала, о чём говорит, но чуяла, что сказать нужно именно это.

— Бинго. — Полковник неожиданно улыбнулся. — Вы убедительны.

— Это означает «да»? — Ловицкая вытянула шею.

— Это означает, — полковник с удовольствием потянулся, — что Верховная не зря рассчитывала на вас. Вам удалось изменить мои планы. За это вы будете вознаграждены. То есть наказаны. Впрочем, в вашем случае это одно и то же.

Поняша вздрогнула: тон полковника стал очень уж властным, чтобы не сказать хозяйским.

— И всё-таки? Что я должна передать Верховной?

— А это уже не ваша забота, — махнул рукой полковник. — Верховной передадут всё, что надо. Это моя проблема. Как и этот договор. Мои юристы оформят. А мы с вами займёмся вещами поинтереснее. Например, вашим выменем.

— Ч-чего? — только и сумела выговорить Мирра.

— Вы всё отлично слышали, — недовольно сказал Барсуков. — И всё прекрасно поняли, не так ли? Молчите? Хорошо, добавлю конкретики. Вы говорили, что участвуете в обучении Львики. Но у неё есть основная учительница. Уж не та ли это особа, которая оставила вам на память кровоподтёки на сосках?

Ловицкая с ужасом подумала, что просчиталась. Перед отъездом она с Молли Гвин провела страстную ночь, и Молли сполна дала волю своему обычному увлечению. На следующий день Мирра была вынуждена предстать перед Верховной в длинной попоне, скрывающей медицинский лифчик. В том же лифчике она ходила и здесь — куда все следы страсти не сошли. Но, видимо, не все.

— Не пугайтесь, — сказал полковник, — вы ничего не упустили. Просто я барсук и замечаю такие вещи. Кстати, у вас изумительное вымя. Очень подтянутое.

Ловицкая, помимо воли, почувствовала тепло в груди. Незамысловатый комплимент полковника ей показался лестным. Оказывается, мнение самца может волновать, подумала она со слабым, затухающим удивлением.

— Поразительно всё-таки, — продолжал Барсуков, — как сильно мы интересуемся другими и как мало уделяем внимания себе. Вы хотя бы понимаете, что вас связывает с этой, как её... Молли? И что разъединяет?

— Вы навели справки, — зачем-то сказала Мирра.

— Ну, это моя работа — наводить справки. Но я не про то. Вам ведь нравится, что Молли грызёт ваши соски. Это очень больно, но вас это по-настоящему возбуждает, не так ли? Но вы боитесь за своё вымя. И правильно боитесь. Эта дура ничего не умеет. В конце концов она вас покалечит. Ну или доведёт дело до рака молочных желёз. Вам ведь этого не хочется?

— Не хочется, — как зачарованная, ответила Мирра, смотря на Барсукова снизу вверх.

Барсук улыбнулся, снова показав клыки.

— Знаешь, что я с тобой сделаю? — сказал он, резко перейдя на «ты». — Сначала свяжу. Я предпочитаю классическое стреножение. Положу набок, стану передние ноги и подтяну к ним верхнюю заднюю. Всё открыто, и я могу делать, что захочу. Это очень унижительно, не так ли? Ах да, ещё узда. Ты ведь любишь строгую узду, нижняя? Которая так стягивает лицо? Любишь?

Мирра машинально кивнула. В голове у неё было пусто и гулко, как в покинутом доме — только постукивала коготками мыслишка: «Откуда он знает, откуда он всё это знает».

— Откуда я знаю? — ухмыльнулся Барсуков, доставая из-под стола моток верёвки. — Мирра Ловицкая, полноправная вага Пуси-Раута, зам-председательница Комиссии по энергетике в ранге советницы-камеристки, почётная профессорка Понивилльского Университета, Покорительница Вондерленда и кавалерка Золотой Узды, мать троих детей. Ты сама себя не знаешь. В некоторых отношениях ты — едва надкушенный плод, если можно так выразиться.

Он подошёл к ней очень близко. Мирра чувствовала запах его шерсти — горько-псиный, с отдушкой болота и перегноя. Он был почти тошнотворен, но в нём ощущалось что-то такое... такое... уверенное, жёсткое. То, чего ей всегда не хватало.

— Предпочитаю зрелых самок, — заметил Барсуков, почёсывая её бочок. — Которые уже наелись ванили и хотят чего-нибудь остренького. Ложись.

Ловицкая смирилась. Она легла на левый бок, покорно вытянулась и задрала ногу, открывая себя всю — целиком и полностью.

— Я барсук, — продолжал Барсуков, стягивая её ноги верёвкой. — Я понимаю, что такое боль. И умею не причинять вреда. На тебе не останется никаких следов. Посмотри, — он показал носом на дверь, над которой висел хлыст и короткий стек. — Мы начнём со стека, *нижняя*.

Через минуту из-за двери личных апартаментов полковника Барсукова раздался первый крик, смешанный с недовольным рычанием. Услужаящая ласочка попыталась укусить полковника в предплечье.

## **Addenda et corrigenda: no comment**

**...пленница безумных грибов-осеменителей.** — Подробнее о происхождении таковых см., напр: *Файзиева Ф.* Хищные грибы Узбекистана: автореф. дис. канд. биол. наук : 03.00.05 «ботаника» / Файзиева Ф. Х. ; Акад. наук УзССР. Ташкент, 1975.

**Тематические... нижняя... ваниль и т. п.** Так как БДСМ-терминология сейчас подробнейшим образом излагается везде где только можно,

кроме разве что инструкций к пылесосам и компьютерам (хотя именно там бы она была уместна), мы не будем тратить время читателя на эту чепуху. Заметим только, что возможные претензии тематической публики к Барсукову, который начал сессию, не договорившись о стоп-слове и т. п., отчасти объясняются нравами, царящими в Стране Дураков. По тамошним понятиям, если кто-то хочет, чтобы его били и унижали, то, значит, он этого вполне заслуживает — причём без каких-либо оговорок.

## Видение Пьеро

*Только победа!*

В возрасте ста тридцати — ста сорока лет у немодифицированных Homo Sapiens Sapiens часто наблюдается так называемый синдром Шлёмля-Небека, или постсенильная дезадаптация. Больной сохраняет относительно ясный рассудок, но адекватно воспринимает только те реалии, с которыми он был знаком в молодости. Распространённость синдрома в десятки годы двадцать второго века породила целую ретроиндустрию — производство средств передвижения, имитирующих старинные электрокары, магазины с прилавками, больницы с традиционным интерьером, где делали настоящие внутримышечные уколы и т. п.

*Dr. M. P. H. Katzenellenbogen. Allgemeine Einführung in die Forschungsproblematik der individuellen Besonderheiten im verantwortsbewussten Alte, B. IV — Poppenbüll, 2115 // Druckvermerk: B F 34982652A43786-0000824-55550.*

Насилие наиболее эффективно, когда оно вызывает жёсткие, но непоследовательные ответные меры режима, которые производят эффект отчуждения среди тех, кто мог бы в противном случае поддержать сам режим.

*Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. (Серия «Мастера социологии»).*

Реализация тентуры ::15 :: +44 : 00807, проксимальная ветвь.

Октябрьские события, четвёртый день противостояния.

Директория, Старо-Новая площадь, д. 3.

День.

Текущая реальность: 4 декабря 312 года от Х.

Директория, павильон «Прибрежный».

Ещё не вечер.

*Current mood: epic / история вершится  
на наших глазах!*

Current music для правого уха: *М. Дунаевский — Ветер перемен*

Current music для левого уха: *В. Цой — Перемен, мы ждём перемен*

Стоять на покато́м карнизе очень неудобно, страшно, даже жутко. Если только тебя не поддерживает какая-нибудь незримая сила.

Пьеро она не поддерживала. Вознеся его сюда с неизвестной целью, она оставила его — голого, смешного, дрожащего — на уровне второго этажа. Впрочем, цоколь был такой высоты, что мог дать фору паре этажей обычного бюджетного дома.

Внизу бугрилось море голов и плеч. Иногда наверх выпрыгивала рука, рог или копыто. Надсадно ревел какой-то овцебык в блестящей коляске, заваливающейся набок под напором ширнармассы.

Ширнармасса была везде, на сколько хватало глаз. Впрочем, глаз хватало не так чтобы очень. Спереди располагался помпезный дворец, при одном взгляде на который в памяти всплывали слова «парадная резиденция». Справа и слева площадь обнимала колоннада, над ней сияло остросинее летнее небо. В центре, омываемая волнами народа, возносилась какая-то бронзовая херня высотой метров десять. С такого расстояния о ней можно было сказать лишь одно: в ней мало пленительного.

Пьеро вцепился дрожащими пальцами в какой-то выступ стены.

— Не в какой-то, — раздался рядом странно знакомый голос. — Ну что за невежество? Это рустированная пилястра с капителью. По мотивам ионического ордера. Хотя, вообще-то, в ионическом ордере на пилястрах должен быть не руст, а каннелюры.

— Кракелюры, — срифмовал Пьеро, крутя головой — он пытался увидеть говорящего.

— Зря крутишь головой, — сказал неизвестный. — Я внутри, и меня не видно.

Тут до Пьеро дошло, что голос раздаётся из открытого окна слева. Он попытался подвинуться поближе.

— А вот этого не надо, — сообщил всё тот же голос. — Мне тогда придётся тебя кинуть. В смысле — вниз. Не то чтобы это какая-то трагедия, особенно в нашем случае. Тебя тут всё равно нет. Но такие эпизоды портят отношения. А я ими дорожу. В своё время ты оказал мне услугу, я это помню. Так что лучше стой где стоишь.

Аргумент на Пьеро подействовал. Он постарался покрепче упереться в карниз. К счастью, грязные и потные ступни хорошо липли к мрамору.

— Зачем меня кидать? — Поэт решил вступить в коммуникацию.

— Демаскировка, — с неудовольствием сказал голос. — Кто-нибудь тебя увидит и захочет проверить, кто здесь ещё. А может, не будет проверять, а просто гранату бросит. Во избежание.

— Чего вдруг сразу гранату? — не понял Пьеро.

## СОДЕРЖАНИЕ

Торжественное напутствие . . . . .	5
Действие первое. <i>Крокозитрон, или Буратина открывает глаза</i> . . . . .	17
Интроспекция нездоровая. <i>Часть моего удовольствия</i> . . . . .	32
Действие второе. <i>Аривуаль, или Дочка-Матерь падает, цепляясь за ветки</i> . . . . .	39
Действие третье. <i>Пумц, или Мирра Ловицкая узнаёт о себе много нового и интересного</i> . . . . .	47
Видение Пьеро. <i>Только победа!</i> . . . . .	58
Интроспекция нетрезвая. <i>Будь свидетелем, летучий двойник!</i> . . . . .	70
Бездействие похвальное. <i>Не сказал, не шагнул, не пренебрёг.</i> . . . .	81
Действие четвёртое. <i>Адгезия, или Жизнь летит со скоростью бэтмена</i> . . . . .	91
Действие пятое. <i>Адамделон, или Крокозитрон раскрывается с неожиданной стороны.</i> . . . . .	101
Действие шестое. <i>Штраус, или Маленький алмазный дождик</i> . . . . .	111
Действие седьмое. <i>Храпоидол, или Базилио ищет и находит то, что искал</i> . . . . .	127
Действие восьмое. <i>Гекатомба, или Артемон не ищет, но тоже находит.</i> . . . . .	160
Бездействие продолжительное. <i>Оставляю дела земные</i> . . . . .	169
Действие девятое. <i>Эфиопика, или Лучшие, как обычно, погибают, худшие, как водится, остаются в живых, а наши герои — странным образом спасаются.</i> . . . . .	176
Действие десятое. <i>Коносамент, или Ева Писториус пытается исполнять свои непосредственные обязанности, но в том не преуспевает</i> . . . . .	189
Интроспекция близкородственная. <i>All ponies kill the thing they love</i> . . . . .	199
Действие одиннадцатое. <i>Меркаптан, или Тысяча двести десять совершенов и ещё один</i> . . . . .	207

Действие двенадцатое. <i>Эфемерол, или Вриогидра</i> не меняет планов . . . . .	247
Действие тринадцатое. <i>Лимондрон, или Пьеро бросается,</i> <i>очертя голову, навстречу судьбе</i> . . . . .	255
Действие четырнадцатое. <i>Албибэк, или Девушка говорит</i> <i>хулигану плохое слово, а тот обещает вернуться</i> . . . . .	278
Действие пятнадцатое. <i>Бууп, или 6,99 Гц</i> . . . . .	287
Действие шестнадцатое. <i>Алаверды, или Лучший день</i> <i>в жизни Шушары</i> . . . . .	297
Бездействие напрасное. <i>Не подумал, не вспомнил, не проверил</i> . . . . .	306
Действие семнадцатое. <i>Алабай, или Карабас хочет нанять</i> <i>десяток псов</i> . . . . .	312
Действие восемнадцатое. <i>Аномалокариды, или Наши герои</i> <i>прикасаются к источнику мудрости, отчего слегка</i> <i>облагодетельствуют</i> . . . . .	323
Действие девятнадцатое. <i>Шепталло, или История простая,</i> <i>как три сольди</i> . . . . .	339
Действие двадцатое. <i>Конкремент, или Мирра Ловицкая</i> <i>спускается по лестнице, ведущей вниз, но спотыкается</i> <i>на последней ступеньке</i> . . . . .	350
Действие двадцать первое. <i>Олдерни, или Кот идёт</i> <i>не в страшное никуда</i> . . . . .	358
Интроспекция женская. <i>Голову, Лёля!</i> . . . . .	375
Действие двадцать второе. <i>Эквифинал, или Визг, прыжок,</i> <i>беспамятство и кое-что ещё</i> . . . . .	382
Действие двадцать третье. <i>Сперматофор, или Встреча</i> <i>двух одиночеств</i> . . . . .	420
Действие двадцать четвёртое. <i>Антагонист, или Буратина</i> <i>собирается вдуть, а вместо этого выдувает, что приводит</i> <i>к ужасающим последствиям</i> . . . . .	433
Действие двадцать пятое. <i>Бельканто, или Губернатор</i> <i>скрывается в неизвестном направлении</i> . . . . .	447
Приложение. «Низвержение Пендельшванца»: <i>художественное произведение и реальная история</i> . . . . .	454
Действие двадцать шестое. <i>Атабыз, или Вриогидра летает</i> <i>по небу, прячется под землю, но не меняет планов</i> . . . . .	482
Действие двадцать седьмое. <i>Сложнямбур, или Все помогают</i> <i>друг другу</i> . . . . .	494

Действие двадцать восьмое. <i>Одессист, или Вриогидра всё-таки меняет планы, но не так, как кому-то хотелось бы</i> . . . . .	503
Действие двадцать девятое. <i>Личарда, или Ненависть убивает, но и спасает</i> . . . . .	516
Действие тридцатое. <i>Крекс, или Поцелуй в ротоцель и много мелких происшествий</i> . . . . .	529
Действие тридцать первое. <i>Реноме, или Мы прощаемся с господином Нефритовое Сокровище</i> . . . . .	541
Действие тридцать второе. <i>Хуюй, или Ноги Базилио отрываются от земли</i> . . . . .	548
Действие тридцать третье. <i>Е-4, или Голограмма исчезает и возвращается</i> . . . . .	565
Действие тридцать четвёртое. <i>Тыгдым, или Диалог безрезультатен, а насилие тщетно</i> . . . . .	575
Действие тридцать пятое. <i>Щековина, или Слушатели советуются и принимают решение</i> . . . . .	588
Последний день Директории. <i>Физиологический очерк</i> . . . . .	601
Действие тридцать шестое. <i>Глоссолалия, или Глоссолалия</i> . . . . .	616
Действие тридцать седьмое. <i>Красапета, или Старые подруги заново познают друг друга</i> . . . . .	630
Действие тридцать восьмое. <i>Крепатура, или Буратина попадает в надёжные руки</i> . . . . .	642
Действие тридцать девятое. <i>Дефенестрация, или Некоторые пони предпочитают тяжёлую жизнь лёгкой смерти</i> . . . . .	652
Действие сороковое / бездействие роковое. <i>Сантименты, или Шушара даёт себе волю, что приводит её в дурное общество</i> . . . . .	662

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ

«Золотой ключ, или Похождения Буратины»



Роман Михаила Харитонова носит подзаголовок «нечеловеческая комедия» — и действительно, замысел «Золотого ключа» сопоставим по масштабу и с романным циклом Бальзака, и с великой «Комедией» Данте (которую, как известно, божественной назвали лишь спустя время потомки).

Перед вами книга увлекательная, легкая, гомерически смешная, раблезиански неумеренная, злободневная, философская, провокационная, переступающая через все табу и нарушающая все мыслимые границы — словом, именно такая, какими только и бывают книги поистине великие.

Интернет-магазин [gorodets.ru](http://gorodets.ru)

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

«Яснослышащий»



Герою книги, человеку с феноменальным слухом, весь мир представляется единой симфонией — в самом музыкальном смысле слова. Подобно пифагорейцам древности, он уверен: гармония сфер и музыкальная гармония — вещи одного порядка и связаны между собой. Он пытается воссоздать и заново организовать творящие звуки, чтобы сделать материю покорной своей воле. Так ли он неправ? И не виновен ли, в действительности, великий музыкальный реформатор Вагнер во всей последующей истории Германии?

Интернет-магазин [gorodets.ru](http://gorodets.ru)

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ОЛЬГА ПОГОДИНА-КУЗМИНА

«Уран»



1953 год, советская Эстония. Секретный «Комбинат № 7» обеспечивает бесперебойную поставку урана для реализации советского атомного проекта. Директор Гаков узнает о готовящейся диверсии на производстве. Одновременно с этим в городке начинают происходить загадочные убийства. Страна тем временем вступает в эпоху перемен — смерть Сталина меняет прежнее устройство жизни.

Роман основан на воспоминаниях жителей закрытого города Силламяэ, документальных материалах, донесениях из недавно рассекреченных архивов ЦРУ. В тексте приводятся оригиналы некоторых документов.

Интернет-магазин [gorodets.ru](http://gorodets.ru)

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

АЛЕКСАНДР ХРИСТОФОРОВ

«**Политическое животное**»



Сюжет этой книги основан на реальных событиях, но не так уж важно, где именно они происходят, — важно, что на постсоветском пространстве. Поэтому дебютную книгу Александра Христофорова можно назвать постсоветским «Карточным домиком». Выборы, медиа, пиар, деньги, должности, предательства, секс, убийства — все ради власти.

Мишель Фуко однажды заметил, что война вовсе не продолжение политики другими средствами; скорее политика — это другое агрегатное состояние войны. Эта книга как раз о том, как политика превращается в войну.

Интернет-магазин [gorodets.ru](http://gorodets.ru)

Литературно-художественное издание

**Михаил Харитонов**

Золотой ключ, или Похождения Буратины  
Книга 2. Золото твоих глаз, небо ее кудрей. Часть 1.

18+

*В тексте сохранены особенности авторской орфографии  
и пунктуации*

Художественный редактор *Павел Лосев*  
Редактор *Аглая Топорова*  
Корректор *Антонина Семенова*  
Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 31.10.2019. Формат 60 х 90/16  
Бумага офсетная. Печать офсетная  
Усл. печ. л. 43. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО ИД «Городец-Флюид»  
105318, г. Москва, ул. Ибрагимова, д. 31, корп. 4 А  
тел.: (985) 8000 366  
www.gorodets.ru  
e-mail: info@gorodets.ru,  
levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

# La Comédie inhumaine

Во второй книге «нечеловеческой комедии» Михаила Харитоновна продолжаются приключения полюбившихся читателю героев, однако обстоятельства осложняются охватывающими героев страстями. Карабас бар Раббас сходитя с прекрасной поняшей, электрический кот четвёртой модификации Базилио Супермарио Кроссоверо переживает сложное и в чём-то безысходное чувство к Алисе, крокозитроп Розан Васильевич ищет способ продлить свой род... Также вторая книга знакомит читателя с цивилизацией и философией рыбонов, объясняет, наконец, как работает *тентура* и какую зловещую роль в событиях саги играет полковник Барсуков.



ГОРОДЕЦ

ФЛЮИД

[www.gorodets.ru](http://www.gorodets.ru)

